Пока смерть не разлучит нас

Автор:
Марина Ефиминюк

Пока смерть не разлучит нас

Марина Владимировна Ефиминюк

Любовь внеземная (АСТ)

Почему меня никто не предупредил, что брачных клятв нельзя давать даже в шутку? Иначе на собственной свадьбе можно выяснить, что уже замужем. И за кем? За первой любовью! Нам надо срочно развестись! Проблема в том, что он знать меня не хочет, имени слышать не желает и помогать не собирается. Остается убедить. Или заставить…

Ведь ни один мужчина не выдержит войны с собственной супругой! Главное, не влюбиться в неотразимого негодяя заново.

Марина Ефиминюк

Пока смерть не разлучит нас

Пролог

Так много нелепых запретов!

Не говорить громко.

Не бегать.

Не показывать эмоции, а еще лучше – не позволять себе никаких эмоций.

Не иронизировать. Даже мысленно. Сарказм и ирония выводят родовитых эсс из состояния ледяных статуй, а живые человеческие чувства на женских лицах, хорошеньких или не очень, совершенно неприемлемы.

Не влюбляться в того, кто не является твоим женихом по договоренности родителей. В него желательно тоже не влюбляться. Чистокровной эссе немыслимо испытывать нежные чувства к подлецу, вынуждающему ее как минимум один раз в жизни мучиться в родовых схватках.

Не сходить с ума от риорца Доара Гери, способного расплавить здравый смысл эссы, точно свечной воск. Нельзя по первому зову нестись по коридорам Эсхардской академии магии, наплевав на манеры, любопытные взгляды студентов, необходимость «держать лицо» – абсолютно на все, что в меня с раннего детства безуспешно вколачивала маменька. Какое, к хвостатым демонам, лицо? Рядом с Доаром я могла держать разве что равновесие. Да и то с переменным успехом.

Если бы я умела летать, то на крыльях вознеслась бы на чердак южной башни и сэкономила время, но пришлось преодолеть сотню каменных ступенек. Запыхавшаяся, с гулко стучащим сердцем, я оперлась о стену и перевела дыхание. Прошептала слово – и на каменной кладке вспыхнул зеленоватый запирающий знак.

– Откройся, – произнесла я на колдовском языке и приложила ладонь к символу.

Стена мигом превратилась в низенькую дверь. Даже мне, девушке среднего роста, приходилось пригибаться, чтобы не приложиться макушкой о притолоку. Я не вошла, а скорее пролезла. Нагромождение старых ученических парт и разломанных стульев окутывала темнота. Из глубины пробивался едва заметный проблеск света.

– Доар, ты здесь? – позвала я.

– Иди сюда, ледышка! – крикнул он из глубины чердака. – Смотри, что я нашел.

Он стоял возле самой настоящей венчальной чаши, будто украденной из храма Святых Обещаний. Пыльная золотая емкость на длинной ножке, оплетенной искусно выкованной лозой анатии – цветка, который в Эсхарде традиционно считают свадебным.

– Откуда в академии венчальная чаша? – Я рассматривала посудину, но ни в коем случае не парня. Высокий, широкоплечий, короткие темные волосы, сохранившийся с лета простецкий загар. Доар никогда не улыбался, только ухмылялся, едва заметно дергая уголком рта. В зеленых глазах его таилась насмешка. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой, беззащитной и очень глупой.

Стараясь избавиться от чудовищной неловкости, каждый раз возникающей в его присутствии, я сунула руки в пустую чашу и принялась дурачиться:

– Аделис Хилберт, клянетесь ли вы провести рядом с Доаром Гери вечность, пока смерть не разлучит вас? Я должна хорошенько подумать, уважаемые светлые боги, – перешла я на писклявый фальцет, – может так статься, что через пять минут, как мы вытащим руки из венчальной чаши, мне захочется его заморозить. Ведь это будет чуточку странно: прикончить мужа сразу после брачной церемонии?

Неожиданно мои губы накрыл поцелуй. Я оцепенела и вытаращилась на Доара. Вблизи его лицо выглядело искаженным и смешным. Дыхание пахло мятой. Он отстранился, на шее дернулся кадык. Зеленые глаза потемнели. Эмоции, отразившиеся в них, и пугали, и завораживали одновременно.

– Люблю тебя, Лис-са! – хрипловатым голосом, на риорский манер растягивая последний слог в имени, вымолвил он. – Ты рвешь меня на части…

Так много нелепых запретов!

Не влюбляться в парня, от которого следует держаться подальше. По возможности не дышать с ним одним воздухом.

Не дарить невинность тому, с кем никогда не опустишь руки в воду венчальной чаши.

И главное, не обманываться, что чувства продлятся вечность, пока смерть не разлучит вас.

Глава 1

Не все браки заключаются на небесах

Свадьба задалась у всех, кроме невесты. Знаки недвусмысленно намекали, что мне следовало подхватить юбки и умчаться галопом в густой туман.

С рассвета зарядил дождь, и не просто легкая морось, а настоящий ливень! По стеклянному куполу храма Святых Обещаний скатывались неопрятные ручейки. Я всегда считала, что начинать новое дело в непогоду – дурная затея, но три сотни гостей, собравшихся на наш с Гидеоном Анкелем венчальный обряд, явно не разделяли этого во всех отношениях здравого утверждения.

Зал, как и положено, украсили традиционными анатиями. Золотые венчики испускали яркий навязчивый аромат, в воздухе кружилась мерцающая пыльца. Если бы выдался солнечный день, то от красоты даже обрядник потерял бы дар речи, но шел дождь. А у меня, вероятно единственной женщины в Эсхарде, во время обряда неожиданно обнаружилась аллергия на анатии. С гордо поднятой головой я шагала к венчальной чаше и мечтала о мелочах, недоступных невесте: чихнуть, сморкнуться в кружевной платочек (можно в тряпочку), и самую малость – сбежать с собственной свадьбы.

Гидеон по случаю венчания сменил светский костюм на традиционные эсхардские одежды. В остальном выглядел как обычно: платиновые волосы причесаны волосок к волоску, руки сцеплены за спиной, от ледяной статуи его отличает только вежливый интерес в синих глазах. В общем, истинный эсс. Дети у нас наверняка получатся такими же беленькими, бледненькими, родовитыми и магически одаренными.

– Моя дорогая Аделис, вы бесподобны в венчальном наряде, – произнес он с едва заметной улыбкой и поцеловал мне пальчики. Руки у него тоже были как у ледяной статуи – холодные.

– Благодарю, – фальцетом, с трудом сдерживая чих, промычала я в ответ.

За спиной прокатилась волна затухающих восхищенных шепотков, а потом заговорил обрядник.

– Возлюбленные богами, – начал он, – вы пришли в храм по собственной воле…

Подозреваю, в этом зале только служитель не знал или делал вид, будто не знал, что о нашем с Гидеоном Анкелем браке договорились родители еще в то время, когда я лежала в колыбели и не имела возможности протестовать. Не представляю, как эсса Анкель, его матушка, решилась взять «кота в мешке». Вдруг будущая невестка выросла бы страшненькой или вместо синеглазой эссы им бы досталась девушка, зеленоглазая, как риорка?

Почему на собственной свадьбе мне пришло в голову думать о Риоре, родине всех негодяев, паршивцев и мерзавцев?!

Я перестала слушать обрядника и сосредоточилась на том, чтобы не шмыгать носом, по крайней мере, не очень громко. Интересно, если заморозить злосчастные цветы, я почувствую себя хотя бы половинкой человека?

– А теперь опустите руки в воду венчальной чаши, – объявил служитель богов.

Золотую посудину наполняла черная жижа, покрытая глянцевой пленкой, и в ней отражался храмовый свод. Я покосилась на будущего мужа. С каменным лицом он решительно погрузил пальцы в священную чашу. Даже мускул на лице не дрогнул, и кадык от нервического напряжения не дернулся. Я всегда считала, что мужчины волнуются во время обряда ничуть не меньше женщин, но Гидеона Анкеля родили с заглушкой, запирающей любые эмоции, кроме недовольства. И то выражалось едва заметным поджиманием губ.

Светлые боги, если вы не хотите, чтобы я вышла замуж за кусок айсберга и превратилась в мать маленьких синеглазых сосулек, то самое время что-нибудь

предпринять. Предлагаю обрушить потолок.

Я вздохнула, опустила руки в чашу… и меня ударило мощным магическим разрядом. Из груди выбило воздух, в глазах потемнело, а цветы на платье мигом съежились. К стене не отлетела только благодаря жениху, проворно схватившему меня за плечи.

К несчастью, в борьбе за равновесие невесты не устояла венчальная чаша. Посудина закачалась на длинной ножке, как корабельная мачта. Обрядник попытался спасти реликвию, но сила притяжения победила. Чаша с грохотом перевернулась, и на мраморные плиты выплеснулась черная вода.

– Ой, – испуганно пролепетала я в ошеломленной тишине и очень громко чихнула.

Золотые свадебные анатии начали стремительно вянуть и превращаться в прах, осыпаясь на головы людей. Гости отмерли и возбужденно загалдели, словно стая ворон.

– Аделис? – призвал меня к ответу Гидеон.

– У меня аллергия на цветочную пыльцу, – выпалила я.

– Я про это!

На моем левом предплечье, от сгиба локтя до запястья, тянулся цветочный орнамент, словно нанесенный черной тушью. Закручивалась лоза, развернулись листья, появились крепкие бутоны. Слово, которое я пробормотала, приличная эсса не имела права знать, но оно очень точно отразило размах происходящего абсурда.

– Святой брат, что происходит? Это ведь проклятие? – подскочила мама. – Как вы допустили, чтобы мою дочь прокляли в светлом храме во время свадебного обряда?!

– Уважаемая эсса, откройте пошире глаза, – взбеленился обрядник, и матушка, без преувеличений, пошла красными пятнами. – Это не рисунок проклятия, а

брачная метка! Ваша дочь повенчана!

– С кем?! – изумленно в три голоса уточнили мы. Другие теперь сомневались, но я-то точно знала, что с утра проснулась незамужней.

– Определенно не с ним, – святой брат ткнул пальцем в Гидеона, выразительно поджимающего губы. Глядя на эту побелевшую узкую полосу вместо рта, становилось очевидным, что внутри он кипит от гнева. Изумительная выдержка. Я бы давно пнула перевернутую венчальную чашу, а заодно и невесту, поставившую одну из древнейших чистокровных семей Эсхарда в наиглупейшее положение.

– Какой позор! – прозвучал тихий голос эссы Анкель, и с ней было сложно не согласиться.

Все! Пришло время рухнуть в красивый обморок. Возможно, меня даже поймают и не дадут разбиться о мрамор. Однако сознание оставалось ясным и мутнеть не собиралось. В голове крутилась совершенно абсурдная мысль, что светлые боги страдают глухотой и отсутствием чувства юмора. Я же просила обойтись малой кровью и всего лишь обрушить крышу храма. Зачем громить всю мою жизнь?..

Из храма мы вернулись в гробовом молчании. Домоправительница Руфь открыла дверь и испуганно посторонилась, когда матушка с непроницаемым видом, но с проворностью ядовитой виверны, намекавшей, что она в ярости, ворвалась в дом. При виде меня в свадебном платье, перешагивающей порог, Руфь испуганно прошептала:

– А брачный обряд?

– Закончился.

– А почему ты здесь, а не в доме мужа? – Она указала пальцем на изрисованную лозами анатии руку.

– Понять бы, где он, – вздохнула я, потерев рисунок ладонью. К сожалению, кожа покраснела, а брачный орнамент остался.

– Дом?

– Муж.

Из глубины комнат раздался звон бьющейся посуды.

– Идэйский фарфор! Добралась! – всплеснула полными руками домоправительница.

Мы бросились в небольшую столовую, примыкавшую к кухне. Матушка стояла возле открытой посудной горки и с каменным лицом истинной эссы швыряла на пол тарелки из тонкого идэйского фарфора, доставшиеся ей по наследству. Паркет усеивали белые черепки с золотой каемкой. Звяк! Бах! Пронзительно и громко, даже сердце екало. А на лице матери ни мускул не дрогнет, ни глаз не дернется.

Двумя руками она схватилась за объемную посудину с золотой каемкой, и Руфь выкрикнула страшным голосом:

– Только не супницу!

Домоправительница обладала добротным телосложением и была горласта. Ей удалось с первого раза пробиться к сознанию неистовствующей хозяйки. Матушка вернула миску на полку, аккуратно закрыла стеклянные дверцы, а потом с мрачным видом направилась в сторону моей мастерской.

– Мама, не надо! – тихо попросила я.

– Надо, Аделис, – величественно оглянулась она, – надо…

Созданием ледяных скульптур я увлеклась еще в Эсхардской академии на уроках изящных искусств, а после интерес и вовсе превратился в манию. Матушка считает это занятие недостойным воспитанной девицы, но чистокровные эссы – маги воды, изменчивая стихия не просто подчиняется нам, а рассказывает тайны прошлого и открывает образы, запечатленные в воде. В моих руках «поет» лед, да и за статуэтки, на счастье, платят золотыми синами.

Только деньги и святая убежденность, что после замужества дочь перестанет «морозить» руки, примиряли хранительницу семьи Хилберт с осознанием, что из меня вышло «не пойми что и сбоку бантик», а не воспитанная аристократка. Кстати, вплетенные в волосы золотые ленты расползлись и неряшливо свесились у правого уха. Пришлось их завязать чахлым бантиком…

Мастерская занимала небольшую комнатушку в задней части дома. Когда матушка рванула дверь, то в лицо ей пахнуло холодным воздухом. Находиться в помещении в открытом платье было, мягко говоря, прохладно, но она переступила через порог. Готовые статуэтки окружали воздушные ледяные коконы, тускло мерцавшие в полумраке.

Мстительно сузив глаза, разрушительница нацелилась на танцовщицу, изогнутую под немыслимым для негибкой девицы углом, и сделала решительный шаг к подставке.

– Только не танцующую нимфу! – выкрикнула я. – Ее уже оплатили.

Траектория движения мамы резко поменялась в сторону изящного цветочного куста из льдистых пластинок.

– И за это тоже заплачено! – испугалась я.

– Ты торговка или творец? Даже нечего поколотить! – возмутилась она.

Главное, чтобы ей не пришло в голову поколотить меня…

– Там осталось чуточку фарфора, – любезно подсказала я и услыхала возмущенный выдох Руфи, крайне несогласной с тем, чтобы отдать на растерзание нежно любимый ею сервиз.

Однако битье тарелок мама считала не столь наглядным проявлением силы гнева, как уничтожение ледяных статуй. И напрасно! Она потянулась к первой неоприходованной фигуре, больше всего походившей на камень с выдолбленным носом. Глыба должна была стать гномом, смешным и милым, не попади она в поле зрения тихо бесившейся эссы. Матушка бы его растопила, но эсхардцам магия огня решительно не подчинялась, наша стихия – вода и лед.

От прикосновения теплых рук магический кокон лопнул. К потолку вознеслись веселые светящиеся пузыри, где и принялись лопаться с характерным звуком. Мстительница стащила ледяную заготовку с подставки, но недоделанный гном был увесист… Безмолвный погром закончился логично и вполне ожидаемо. От непомерной тяжести непоколебимая, несгибаемая и гордая эсса Хилберт получила плебейский прострел поясницы!

– Боги! – охнула она и выронила фигуру себе на ногу.

Отличавшийся повышенной прочностью гном выстоял – лед я морозила на совесть, чтобы не крошился во время работы, а вот нога в изящной туфельке – нет. Мама побледнела от боли, но не позволила себе ни единого ругательства, вызвав во мне волну уважения (я бы давно разразилась потоком такой отборной брани, что даже портовые грузчики потеряли бы дар речи).

– Все-таки растерзали! – только и процедила она, не зная, за какую из контуженных частей тела хвататься, но потом простонала сквозь крепко сжатые зубы: – Демоны.

Почему во множественном числе? Загадка. Может, от боли моя фигура в измятом свадебном наряде в глазах раздвоилась? Или матушка имела в виду нас с ледяным гномом? Одна ранила душевно, не выйдя замуж, вернее, выйдя, но непонятно как, когда и за кого, а другой сделал колченогой. В общем, на пару с куском льда мы оказались разрушительной силой!

Срочно вызванный целитель обнаружил у матушки на большом пальце трещину и прописал постельный режим.

На следующий день без лишних разговоров носильщики втащили в тесный холл дорожный сундук с моим барахлом, отправленный перед свадьбой в особняк Анкелей на южной стороне Эсхарда. Вместе с вещами приехал поверенный несостоявшихся родственников и забрал украшения, подаренные Гидеоном в честь помолвки (не ожидала я от бывшего жениха столь потрясающей воображение скупости). Это было молчаливое, но недвусмысленное расторжение брачного соглашения, заключенного нашими отцами.

Нестись к Анкелям и умолять о прощении дикой виверны (меня) матушка физически не могла. Она написала длинное горестное письмо и отправила с

посыльным. Вечером послание вернулось нераспечатанным. Когда я протянула родительнице невскрытый конверт, то она процедила:

– Избавься от этой злосчастной штуки на руке, беги к Гидеону, падай на колени и уговаривай забрать тебя обратно! Немедленно! Скажешь, что брачная метка досталась через проклятие.

Я была согласна только с первой частью плана, поэтому напомнила:

– Соглашение разорвано.

– Аспид! – обозвала меня маменька с каменным лицом. – Нет у меня больше дочери!

– Ладно, – примирительно кивнула я и вышла из комнаты, едва не ударив дверью Руфь, подслушивавшую в коридоре.

– Неблагодарное дитя! Довела мать, – проворчала преданная служанка и бросилась отпаивать любимую хозяйку успокоительным отваром.

Я бы сама не отказалась от пары глотков горького снадобья, но невестам, сорвавшим свадьбу, эликсиры для нервической системы не полагались.

На следующее утро я входила в храм. При виде знакомой эссы, снимающей с головы широкий капюшон, у служителя мелко задергался мускул на лице, и мне на ум опять пришла мысль о заветном флаконе успокоительного средства. Похоже, оно остро требовалось всем участникам свадебного конфуза.

Выглядел святой брат осунувшимся и болезненно-бледным. Светлые волосы, густо обрамлявшие гладкую лысину на макушке, топорщились, словно от удара магического разряда. Из-за меня, что ли, дыбом встали? Подозреваю, что двое суток он ждал, когда невеста или жених, а может, оба одновременно заявятся с претензиями и разнесут храм на мраморные плитки. И вот я стояла в перекрестье солнечных лучей, льющихся сквозь стеклянный купол.

Служитель перевел затравленный взгляд с моей фигуры куда-то в сторону. Думала, что он прикидывал, как бы сбежать за алтарь, но ошиблась. Он

рассматривал задвинутую в угол золотую венчальную чашу, снова водруженную на устойчивую подставку. Святой артефакт был помят со всех сторон, словно медная миска из приюта для бездомных.

Невольно вспомнились позорные подробности сорванной церемонии. Как взбешенная несостоявшаяся свекровь с каменным лицом пнула чашу под ноги гостей. Потом толпа, потянувшись к раскрытым дверям святилища, отпихивала дребезжавший артефакт с дороги, а храмовник за ним гонялся, но никак не мог ухватить. К гулким сводам возносились издевательские реплики и недовольные высказывания. Народ жутко радовался скандальной сплетне (еще бы, наследника древнейшего рода бросила невеста перед алтарем!), но был ужасно недоволен отменой званого ужина. Если не поженились, то хотя бы поминки, что ли, устроили. К чему оставлять людей голодными?

– Светлых дней, святой брат, – отгоняя неприятные воспоминания, громко поздоровалась я.

– И вам, эсса, – мрачно отозвался он.

– Мне срочно требуется ваша помощь, – заявила я, направляясь к алтарю. – Я хочу развода!

Где-то в углу храма подавился на вздохе служка, приводивший в порядок молельный зал после рассветной службы.

– Прямо сейчас? – попятился от решительного напора святой брат.

– А можно?

Оказалось, нельзя. Мы сидели в каморке, горделиво названной кабинетом, и служитель с сомнением изучал брачный орнамент у меня на руке.

– Что скажете? – не выдержала я давящего молчания. – Понимаете, проблема в том, что я понятия не имею, почему появилась метка. Не представляю, кому и когда дала брачную клятву…

– Риорцу, – любезно подсказал служитель храма. – Если судить по рисунку.

Я закашлялась.

– Знаете, во время свадебного обряда мне в голову приходили мысли о Риоре…

– Вы, глубокоуважаемая эсса, – перебил он, – опустили руки в венчальную чашу, произнесли клятву, а потом, так сказать, закрепили на физическом уровне. Понимаете, о чем я?

Не стоило ему столь красноречиво поднимать брови, намек был понят и заставил меня вспыхнуть от неловкости. Перед мысленным взором появился почти вытравленный из памяти день на чердаке магической академии. Я вовсе не забыла о Доаре Гери – да и как можно забыть о первом мужчине, вызывавшем у меня одновременный паралич и дыхания, и мозгов, – просто по давней привычке о нем не думала.

– Я пытаюсь сказать, что брачный ритуал был завершен, – внес ясность храмовник.

– А почему метка только сейчас появилась? – Я отчаянно цеплялась за надежду выйти сухой из воды, хотя сама понимала, что захлебываюсь.

– Как только руки коснулись святой воды в венчальной чаше, так и проявилась.

– А этот… – Я кашлянула. – В смысле, супруг в курсе? У него метка тоже появилась?

– Брачные клятвы обычно взаимны, эсса. Они же были взаимны? – поднажал он.

– Ну… кхм…

Имела бы возможность умереть от стыда, обязательно легла бы на пол, сложила руки и отошла в мир иной, завернувшись в бархатный плащ.

– Святой брат, – понизила я голос и придвинулась к столу, – но ведь отменить клятву можно? Без присутствия, так сказать, второй стороны.

– Теоретически для отмены нужна только кровь супругов, – задумчиво протянул собеседник. – Я смог бы вам помочь.

– Какое счастье! – схватилась я за сердце. – Вы мой спаситель!

– За умеренный взнос на обустройство храма.

Он хотел новую брачную чашу. Удивительная расчетливость для святого брата, отрешившегося от материальных благ. Сколько ж мне надо продать ледяных статуэток, чтобы оплатить новый артефакт? Может, старой посудине получится вернуть приличный вид?

– Конечно, – улыбка получилась натянутая.

Дело оставалось за малым: найти Доара Гери и попросить о разрыве брачной клятвы. Конечно, прежде он отличался редкой злопамятностью, но со временем любые чувства притупляются или вовсе гаснут, даже гнев и ненависть. Вдруг за прошедшие годы у него ослабела память и иссяк запас злости? Может быть, он вообще забыл мое имя.

И почему я сама себе не верила?

Поиск не занял много времени, но обошелся, на мой взгляд, неоправданно дорого. Когда разыскиваешь бывшего возлюбленного, ставшего врагом, любая стоимость покажется чрезмерной. Частного сыщика я наняла на Западном рынке, деньги отдала через подставное лицо. Уже через пару дней вместе с корреспонденцией пришло письмо с нужным адресом, скудным рассказом и магической карточкой, где был изображен темноволосый широкоплечий мужчина с зелеными глазами.

Запершись в комнате, я уселась перед открытым секретером и как завороженная рассматривала цветной портрет. Сразу после расставания я помнила лицо Доара в мельчайших деталях: морщинки, родинки, взгляд, улыбку, но со временем образ тускнел, как и чувства, разрывавшие меня изнутри. Перед мысленным взором возникали лишь широкие плечи, фигура в черной ученической форме, тонкий шрам, пересекающий ребра, а лицо превратилось в смазанное пятно. Спустя пять лет он повзрослел и возмужал.

Если верить сыщику, а за те деньги, что он получил, обман клиента приравнивался к смертному греху, в свои двадцать семь лет риат Доар Гери занимался добычей триана, редкого металла, который использовали для изготовления магических артефактов, и вел разгульную жизнь. Готова дать руку на отсечение, что меньше всего бывшему возлюбленному нужна свалившаяся как снег на голову супруга.

Я снова перечитала бумагу, стараясь не замечать, как внутри скреблись снежные кошки. В Эсхарде риорцев традиционно терпеть не могли, и эта странная, на мой взгляд, нелюбовь становилась особенно заметной в замкнутом пространстве закрытой академии. Доар появился на четвертом курсе. Одна дуэль в академическом лесу – и с новеньким больше не связывались, даже отчаянные провокаторы обходили его стороной. Он, несомненно, являлся одаренным и сильным магом, которого ждало большое будущее, но из-за нашего скандального романа Доара исключили практически перед финальными испытаниями…

За письмо в Риор я садилась, охваченная внутренней дрожью. Перо мелко тряслось, буквы получались неровные и несмелые. Испоганив половину пачки мелованной бумаги, я все-таки сумела написать четко и без лишних сантиментов. Мол, сколько лет, сколько зим, уважаемый риат Гери, во время учебы я немножко с вами запечатлелась перед богами, давайте поскорее отменим брачную клятву. Можно даже не встречаться лично, а просто передать в эсхардский храм пару капель крови. Если вас, конечно, не затруднит.

Хотела запечатать письмо, но помедлила и осторожно вытащила из секретера спрятанную в углу маленькую шкатулку. Она была заперта на замысловатый магический замок, чтобы ни любопытная Руфь, ни пытливая матушка не сумели вскрыть. На дне лежала подвеска из триана в виде изящной снежинки. От тепла рук невесомое украшение на тончайшей цепочке замерцало голубоватым светом. Слишком дорогой подарок, непомерно. Сама не понимаю, почему хранила его все эти годы. В подтверждение, что Доара не разыгрывают, я вложила подвеску в письмо и запечатала красным сургучом, выдавив личную магическую метку.

Через две седмицы, когда весь Эсхард, вплоть до шпилей властительских башен, окунулся в сезон опадающих листьев, домоправительница с удивлением приняла от почтальона письмо из Риора.

– Руфь, принесли утренний газетный лист? – донесся сверху недовольный мамин голос.

– Тихо! – ловко выхватывая из рук домработницы конверт, прошептала я. – Это мне.

– Сейчас… – заикнулась возмущенная служанка.

– Маме не рассказывай, а то она передумает умирать и отправится бить посуду.

– Нахалка, – фыркнула Руфь и крикнула: – Газетного листа еще нет, но сейчас принесу успокоительный отвар!

Учитывая, сколько снадобья для нервической системы глотала матушка, она давно должна была успокоиться до состояния ледяной статуи, то есть до обычного для благородной эссы, но, видимо, зельевар сплоховал и недоложил валерьянового корня.

Я затворила двери в гостиную и, от нетерпения не потрудившись сесть, трясущимися руками вскрыла конверт. Лучше бы села, честное слово. В писульке – а письмом послание из Риора назвать не поворачивался язык – было всего несколько слов, но они красноречивее длинных тирад говорили, что Доар Гери по-прежнему обладает отменной памятью и остается парнокопытным засран… кхм… обидчивым негодяем!

– Скотина, – со злостью смяла я сероватый дешевый листок.

Перед мысленным взором появилась короткая строчка, написанная летящим уверенным почерком:

Идите в задницу, эсса Хилберт. Легкой дороги.

Д.Г.

– До скорой встречи, дражайший муж, – процедила я сквозь зубы, мысленно представляя картины кровавой мести.

Коль супруг не хочет помогать благородной эссе стать незамужней, значит, благородная эсса сама доберется до супруга, даже если он спрячется в трииновых рудниках (тьфу-тьфу три раза). Найдет, выкопает из-под руды и очень вежливо попросит избавить ее от брачной клятвы. Главное, чтобы потом мы оба не остались калеками… или хотя бы выжили.

– Что ты сказала? – заглянула в гостиную Руфь. Тут обнаружилось, что дверь сама собой приоткрылась, а мое бормотание оказалось вполне себе высказыванием в полный голос.

– Да так… – нервно улыбнулась я, пряча за спину кулак со скомканной запиской.

– Сначала жениха бросила, потом сама с собой заговорила, скоро первую кошку в дом притащит, – неодобрительно покачала головой домоправительница, величественно удаляясь в кухню.

– Тебя не смущает, что я все слышу?

– Ни капли.

На следующее утро, сложив в саквояж смену белья и пару платьев, я отправилась в Риор. Наскрести смелости на объяснения с родительницей не удалось, хотя я полночи настраивалась на беседу, даже речь подготовила. Уходила тихо, оставив на кухонном столе записку. Знаю, что сбегать молчком было исключительно «взрослым и серьезным» поступком, но имя Доара Гери, произнесенное вслух, пробуждало в матери демона, обожающего бить старинные сервизы. Возможно, досталось бы и посудной горке, и нам с Руфью.

По раннему часу городской омнибус, доставлявший пассажиров к башне перемещений, пустовал. Я забилась в угол, где меньше всего дуло, и закуталась в теплый плащ. Мостовые на западной стороне Эсхарда были разбиты тяжелыми подводами, и карета мелко тряслась на выщербленной брусчатке. Мимо проплывали уже пробудившиеся ремесленные мастерские и пока еще спящие торговые лавки с закрытыми ставнями. Властительский дворец, стоявший в центре города-королевства, прятался за высокими двускатными крышами. Виднелись лишь длинные острые шпили, агрессивно пронзавшие серое рассветное небо.

Башня перемещений, где находился портал, напоминала вовсе не башню, а огромный гладкий шар. Омнибус въехал в раскрытые ворота. Когда с саквояжем в руке я вышла из кареты, то от сильного сквозняка взметнулись полы плаща, а с головы сорвало широкий капюшон.

Народу было совсем немного. Магические путешествия считались уделом богачей, но меня угораздило дать брачную клятву мужику, живущему на другом конце света. Выбор невелик: или почти седмицу трястись на крыше почтовой кареты, или разориться на перемещение через портал.

До переправы в Риор оставалось десять минут. Я поспешно оплатила переход и «на полных парусах» бросилась к залу отбытия. Так сосредоточилась на открытых дверях, что не заметила преграды на пути. Вмазалась со всего маху в какую-то твердогрудую скот… эсса, едва не выронив саквояж, и охнула:

– Извините.

– Аделис? – раздался над макушкой знакомый голос.

– Гидеон! – попятилась я.

Не понимаю, кто из нашего мира украл остатки справедливости? Почему мы с бывшим женихом не столкнулись где-нибудь в опере? Я бы представляла собой образец утонченной эссы и поражала народ неземной красотой. Но нет! В первый раз после провальной свадьбы мы встретились в башне перемещений, когда я, взмокшая и взлохмаченная, взбесившимся горным сайгаком скакала к магическим воротам.

Все! Как вернусь из Риора, резко полюблю оперу и перестану кривиться при виде газетных колонок о премьерах. Главное, не забыть, что больше не испытываю ненависти к представлениям, где громко и голосисто поют.

Но самым неприятным в нашей встрече оказался аксессуар бывшего жениха. Он, в смысле она цеплялась за локоть Гидеона и выглядела преступно хорошо для раннего часа, когда нормальные люди или неслись в Риор, или думали о чашке бодрящего крепкого тэя. Судя по рыжеватым прядям, чистокровной эссой девица не являлась, но губы поджимала не хуже моей несостоявшейся свекрови. На вороте платья, застегнутого под самое горло, поблескивала драгоценная

камея. Одна из тех, что Гидеон дарил мне в день помолвки.

Я с трудом сдержала издевательскую ухмылку и кивнула:

– Приятно было увидеться.

Какая наглая ложь! Век бы не встречалась.

– Светлых дней, – вымолвил на прощанье бывший жених.

Переложив саквояж из одной руки в другую, я направилась к смотрителю, ожидавшему путешественников в Риор.

– Светлые боги, Гидеон, до сих пор не понимаю, почему твоя матушка настаивала на свадьбе с этой… – громко фыркнула девица мне в спину. – Она же выглядит как простолюдинка, даром что волосы белые!

Не обращай внимания, Аделис! Есть проблемы и поважнее нахальной пассии бывшего жениха, на которого тебе по большому счету плевать с высоты властительских башен. Например, не опоздать на перемещение, иначе придется ждать пять часов. Скачи с гордо выпрямленной спиной, как легкая горная лань! Только вперед, только к воротам…

Но, несмотря на то что я опаздывала, все равно повернула назад и уверенной походкой вернулась к замершей парочке (не то чтобы прежде они выглядели оживленными). Девица моментально прикусила язык и, кажется, немножко подвинулась, пытаясь спрятаться за долговязую фигуру любовника.

– Извините, но не могу не восхититься, – мягко улыбнулась я. – Эсса, вам необыкновенно идет эта милая камея. Кстати, мне ее подарили на помолвку, а потом забрали. Очень практичный подход, согласны? Женщины разные, а украшения одни.

Наблюдать, как у бывшего жениха вытягивается лицо, а синие глаза темнеют от ярости, было абсолютно захватывающим зрелищем. Устроить публичную разборку ему не позволило воспитание, но он тихо, угрожающе повторил мое имя:

– Аделис?!

Девица нервно затеребила брошь.

– Легкой дороги, куда бы вы там ни собирались перемещаться, – с достоинством кивнула я и поспешно направилась к воротам. Надеюсь, что Гидеон не планировал поездку в Риор.

Смотритель принял плоскую медаль с магической меткой «путешествие» и впустил меня в зал отбытий. Портал походил на стену черной воды, отражавшую зал и людей в нем. По поверхности портала расходились круги, словно по встревоженной камнем озерной глади.

– Перемещение в Риор, – на всякий случай предупредил меня штатный маг.

– Ага.

Я так торопилась сбежать от бывшего жениха, что шагнула в портал, даже не притормозив на входе. Разве что успела заметить собственную непропорционально растянутую фигуру, стремительно приближавшуюся к зеркальной стене.

– Эсса! Потеря во времени – половина светового дня, – полетело вдогонку. – Легкого пути!

– Полдня – не седмица, – пробормотала я и мгновением позже словно провалилась под лед.

От острого холода, коловшего тело тысячами иголок, перехватило дыхание. Руки и ноги отяжелели. Казалось, я навсегда застряну между городами, но магической силой меня вытолкнуло на другой стороне портала, в сферический зал, отличавшийся от эсхардского только цветом мрамора на стенах.

Величественно выйти, как полагается аристократке, путешествующей за бешеные деньги, не получилось. Я выскочила, словно оголтелая, и с силой дернула саквояж, наполовину застрявший в зеркальной стене. Какой стыд! Будто впервые перемещалась с помощью магических ворот.

Передернув плечами, с независимым видом я направилась к стражникам, проверявшим документы у вновь прибывших путешественников.

– Приветствую, эсса, – с риорским акцентом поздоровался один из них.

– Светлых дней, риат, – ошалелая от неудачного перехода, смешала я эсхардское приветствие с риорским обращением к мужчинам. Вытащила из кармашка саквояжа грамоту с оттиском личной магической метки и протянула блюстителю порядка.

– С какой целью приехали в город? – уточнил он, внимательно разглядывая бумагу, словно на глаз пытался определить, настоящие ли документы.

– К мужу, – коротко объявила я.

– Семейная печать?

О чем вы говорите, любезный? Какая, к диким вивернам, печать? Мне бы муженька выкопать из рудников и за шкирку затащить в храм для отмены брачной клятвы.

Не произнося ни слова, я с усердием принялась закатывать рукав тонкого шерстяного платья. Страж с вежливым интересом следил за неожиданным раздеванием, но когда появился хвостик черной метки с одним из пяти закрытых бутонов, на лице блюстителя порядка мелькнуло странное выражение. Не задавая вопросов, он вернул мне грамоту и даже поклонился:

– Добро пожаловать в Риар.

– Добрых дней, – попрощалась я на эсхардский манер и направилась к выездному залу, надеясь, что не придется выходить из башни перемещений, чтобы найти извозчика.

Традиционно в огромном зале с распахнутыми воротами, в которых с легкостью разъезжалась пара карет, дуло, как в трубе. Ледяной сквозняк срывал с головы капюшон, трепал плащ и уничтожал подобие прически, чудом сохранившейся после перемещения из Эсхарда. Пришлось вытащить последние шпильки и

распустить волосы, а чтобы народ не пялился, спрятать их под плащ.

Извозчик нашелся сразу, но едва услышал адрес, как немедленно заломил цену:

– Три золотых шейра.

– Один золотой эсхардский син, – категорично заявила я.

– Тогда четыре.

– Ладно, – пожала я плечами и развернулась, чтобы уйти от афериста.

– Стойте, риата… демон… эсса! – заторопился он. – Я не жадничаю, но за въезд в Восточную долину требуют плату.

Светлые боги! Они рудокопов за забором, что ли, держат – как преступников?

– У меня по-прежнему нет ни одного шейра.

– Забирайтесь, эсса, – сдался он, открывая дверцу экипажа.

– Ступеньку разложите, – сухо попросила я. На мой взгляд, за золотую монету перед пассажирами должны были еще и ковровую дорожку раскатывать.

На улице смеркалось. Карета тряслась на неровной дороге, а мимо проплывали непривычные глазу пейзажи. Родной Эсхард был точно белокаменный исполин с мостами и тянущимися к небу зданиями, храмами Святых Обещаний, статуями грифонов на площадях и каменными горгульями, застывшими под крышами богатых особняков. Сады цвели разве что в южной части города, в королевстве высокородных эссов и больших денег. Риор же, рассеченный долинами, утопал в лесах, пах опавшей листвой и кострами, горел осенними красками – бронзовыми, красными, желтыми. Чарующее смешение цветов! Никакого льдистого порядка, сплошной переполох.

К воротам в Восточную долину мы добрались в темноте. Пока извозчик расплачивался со стражами на воротах, я с тревогой поглядывала в окно. От остального мира район рудокопов отделяла высоченная каменная стена,

выложенная камень к камню, и эта нарочитая аккуратность наводила на мысль об архитектурной магии. Медленно приходило осознание, что кто-то меня обманул, и явно это был не извозчик…

Экипаж тронулся с места. Колеса зашелестели по идеальной брусчатке. Улицы были озарены магическими фонарями, а за высокими коваными заборами, затянутыми покрасневшим от холодов плющом, стояли богатые дома. Через некоторое время возница остановился перед огромным особняком с раскрытыми воротами и осушенным на зиму фонтаном перед парадным входом. В доме горели абсолютно все окна, словно он был набит людьми, и каждый житель занимал по комнате.

– Вы уверены, что мы правильно приехали? – на всякий случай уточнила я, отдавая золотой син.

– Я сорок лет развожу людей по риорским долинам, – обиженно проворчал возница. – Думаете, восточной стороны не знаю?

– А где триановые рудники? – заикнулась я.

– В трех днях езды.

– То есть не здесь… – в замешательстве я нервно переложила саквояж из одной руки в другую. Какое счастье, что у меня была сумка, иначе от паники я принялась бы ковырять на пальцах заусенцы или сгрызла ноготь. Глупая привычка, страшно бесившая матушку, преследовала меня с детства.

Под звонкое цоканье лошадиных копыт и скрип отъезжающей кареты я направилась к особняку. В голову пришла запоздалая мысль, что, наверное, стоило попросить извозчика подождать немного, вдруг адрес ошибочный, но бежать за экипажем, размахивая саквояжем, было странно.

До парадных дверей мне добраться не позволили, что, в общем-то, не удивляло. Дорогу преградил плечистый здоровяк. Совершенно бесшумно он вышел в круг фонарного света и молча встал на моем пути. Учитывая грандиозность пошлого фонтана с расставившим крылья оскаленным грифоном, стражи должны были сидеть под каждым ухоженным деревом и кустом. Странно, что мне позволили прорваться за ворота.

Честно говоря, от облегчения я едва не кинулась парню на шею. Теперь точно не придется самой стучаться в парадные двери, сумбурно объяснять слугам цель визита и пытаться выяснить, не живет ли в доме некий Доар Гери, который почему-то прислал письмо из богатого особняка, а не из рабочего поселка.

– Какое счастье, что вы меня встретили! – выпалила я.

Стражник попятился.

– Понимаете, я приехала в Восточную долину, но не нашла ни одного трианового рудника! Даже заброшенного.

– Вы заблудились? – подал он голос.

– Пока нет, но если вы мне не поможете, то точно заблужусь. Я ищу Доара Гери.

– Ищете риата Гери? – для чего-то переспросил он, словно не совсем понимал стрекот незнакомой дамочки. Видимо, ему тоже казалось, будто я, как страж в башне перемещений, говорила с чудовищным акцентом.

– То есть Доар действительно в этом доме? – обрадовалась я.

– У вас есть приглашение?

– Приглашение? – мне вдруг стало казаться, что речевое недопонимание действительно вносит некоторую сумятицу в нашу конструктивную беседу. – Нет-нет, мне вовсе не надо в хозяйский дом! Я хочу просто поговорить с риатом Гери. Скажите ему, что приехала супруга.

– Супруга? – переспросил стражник.

– Умоляю, только не заставляйте демонстрировать брачную метку, на улице ужасно холодно! Просто скажите… Хотя нет, не говорите ничего про супругу, я тогда его точно не выловлю. Передайте, что его ждет во дворе подруга из Эсхарда и что она очень сильно расстроится, если он не захочет поговорить.

– Прямо сейчас?

– Немедленно.

– Вам лучше убраться с территории особняка, – огорошил страж. – Не знаю, откуда вы сбежали…

– Из Эсхарда! – в раздражении перебила я.

– Из какого заведения для душевнобольных, но лучше идите подобру-поздорову, риата.

– Вообще-то, эсса.

Так… Кажется, беседа окончательно теряет конструктивность. С нарочитой помпой я стянула с головы капюшон, демонстрируя белую взлохмаченную макушку, одарила здоровяка ледяным взглядом и вкрадчиво обронила:

– К слову, уважаемый, вы говорите с магом.

– Угу, вы тоже, – не дал спуску наглец.

Демоны раздери упертых стражей! Не умеют в цель ледяным шаром попасть, а самомнение, как будто демоническую армию остановили!

– Эй, парень, ты зачем держишь гостью во дворе? Холод же как в ледяном чертоге! – услыхали мы насмешливый мужской голос и одновременно оглянулись на его обладателя.

Из тени высоченного дуба на свет вышел худой темноволосый мужчина во фраке. У незнакомца было узкое лицо и разноцветные глаза. Правый – темно-карий, левый – прозрачно-голубой.

Мама любит повторять, что ни в коем случае нельзя доверять людям с демоническими глазами, они всегда приносят несчастья. Не хотелось думать, что она права. Хотя для нее демоническим являлся любой цвет глаз, кроме синего, присущего чистокровным эссам.

Стражник моментально отступил на шаг и опустил голову в коротком поклоне.

– Прошу прощения, риат Эббот. Было велено чужих не пускать.

– Но ведь это не относится к очаровательным эссам, – улыбнулся незнакомец.

Сдержаться от издевательского смешка получилось с трудом. Даже я понимала, что после магического перехода и тряски в карете всклокоченную девицу в измятом плаще очаровательной назвал бы только прожженный дамский угодник. Или подлец. Интересно, к какому типу относился незнакомец во фраке?

– Я провожу нашу гостью, – объявил он и обратился ко мне: – Не обижайтесь на стражу, у нас тут небольшой прием.

– Небольшой прием? – эхом повторила я, оказываясь увлеченной в сторону парадных дверей. – Послушайте, уважаемый риат, я не против подождать Доара… где-нибудь. Просто пусть придет, как освободится.

– Зачем же ждать? – с фальшивой мягкостью улыбнулся мужчина.

Обстановка холла была лаконична, но именно эта самая вкрадчивая пустота подчеркивала дороговизну отделки. Блестящая ткань на стенах, натуральный мрамор на полу, сотни магических огней, мерцавших в каскадной люстре с хрустальными подвесками. От сквозняка они заволновались, пространство наполнилось тонким перезвоном, а вокруг затанцевала причудливая мозаичная тень.

Незаметно меня освободили от саквояжа и вытряхнули из плаща, а расторопная прислуга утащила вещи в неизвестном направлении. Я нервно оправила простое серое платье из тонкой шерсти, облегающее грудь и руки, пригладила волосы, вдруг страшно пожалев, что не могу свернуть их аккуратным пучком – шпильки остались в саквояже.

– Риат, куда вы? – остановила я провожатого, когда уверенной походкой человека, много раз бывавшего в доме, он направился вглубь комнат, где едва слышно звучали людские голоса.

– Не тушуйтесь, эсса, – оглянулся он. – Уверен, что Доар обрадуется старому другу.

При ярком свете стало заметно, что правый глаз у мужчины был вовсе не карим, как мне показалось вначале, а почти фиолетовым.

– Смотря какому другу… – пробормотала я, мысленно гадая, кем являлся провожатый моему неожиданно нарисовавшемуся супругу. Может, нанимателем?

Но когда мы перешагнули через порог гостиной, заполненной роскошно одетыми людьми, на меня обрушилось понимание, что сыщик все-таки совершил смертный грех и соврал. Доар Гери никогда не добывал магический металл и не служил лакеем в богатом особняке. Он был хозяином всего: отвратительного фонтана во дворе, удивительной люстры в холле, вероятно, триановых рудников и совершенно точно – званого вечера.

И сейчас с бокалом в руке, оборвав себя на полуслове, он впился в меня ледяным взглядом…

Глава 2

Значит – война

Доар меня узнал.

И это была первая мысль, возникшая в голове при виде высокого мужчины в дорогущем костюме, который что-то говорил гостям. Цветная карточка, полученная от сыщика-афериста, не передала ни уверенности, ни элегантности, ни мощной ауры, окружавшей хозяина дома. В ушах звенело, словно он пытался с помощью ментальной магии пробраться ко мне в голову. Может, правда пытался? Мол, иди подобру-поздорову, не оглядывайся. Вещички не забудь забрать у слуг, чтобы не было предлога вернуться.

– Доар, ты больше ничего не хочешь рассказать гостям? – с нажимом уточнил седовласый высокий риат, за локоть которого цеплялась юная особа. По крайней мере, со спины она показалась юной девицей с идеальной осанкой, способной вызвать зависть у любой родовитой эссы. В общем, стояла незнакомка так, будто кол проглотила.

– Конечно, – отмер Доар, переводя взгляд на говорившего. – Приятного всем вечера.

Народ загудел. В воздухе разливалось недоумение. Видимо, хозяин дома упустил в своей короткой речи нечто необычайно важное.

– Айдер, познакомь нас со своей подругой, – послышался рядышком невыносимо ехидный голосок.

Невольно я оглянулась. Возле меня и разноглазого Айдера терлась парочка аристократок в вечерних нарядах. Веки у дамочек блестели от золотистой краски, платья – от украшений, а глаза – от почти удушающего любопытства.

Светлые боги! Разве миссия «развод», начавшаяся встречей с бывшим женихом и его новой пассией, могла продолжиться по-человечески, а не через то самое место, которое нормальные люди пристраивают на стулья? Или только я на это место вечно нахожу приключения?

– Ох, эсса – не моя подруга, а подруга нашего уважаемого хозяина, – отозвался насмешник. – По-моему, самое время подойди и поздороваться?

Но стало ясно, что подходить не надо. «Уважаемый хозяин» надвигался на нас, словно вагонетка со сломанным рычагом тормоза. Кто-то попытался его окликнуть, но он приближался, не видя и не слыша ничего вокруг, и при этом буравил меня ледяным взглядом. Нашел кого пугать! Я тоже умела превращаться в высокомерную стерву… в смысле эссу, когда требовали обстоятельства. Неважно, что ладони предательски вспотели от волнения.

Ладно, кому я вру? Какое, к злобным горгульям, волнение? Я сейчас скончаюсь от страха!

Доар остановился от меня в полушаге, то есть почти неприлично близко для чужих людей, и тихо вымолвил:

– Вы здесь, эсса Хилберт.

– Не ждали, риат Гери? – едва заметно улыбнулась я, не отводя глаз. Пусть не думает, будто он здесь сильнейший хищник.

– Не то слово, – изогнул он бровь. – Какой, право, странный сюрприз.

– У вас чудесный дом, – попыталась я изобразить светскую беседу двух давних приятелей, неожиданно встретившихся после пяти лет разлуки (неожиданно для Доара). – Особенно мне понравился фонтан. Выше всяких похвал!

Мы разом осознали, что в комнате царит подозрительная тишина и гости ловят каждое наше слово. Аристократы всегда чувствуют приближение задорного скандала каким-то особым чутьем, видимо, впитываемым с молоком матери.

– Эсса Хилберт, раз вы так неожиданно нагрянули, то позвольте показать вам дом, – вымолвил Доар с мягкой улыбкой, и стальные пальцы его впились в мою руку чуть повыше локтя.

– Сейчас? – без особого успеха попыталась я освободиться. – Остальные гости не обидятся?

– Они его уже разглядели, – процедил Доар, увлекая меня к раскрытым дверям. – Особенно мне хочется вам еще разок продемонстрировать фонтан.

Он же не даст мне пинка под зад, когда особняк полон местной знати? Или все-таки даст?

– Думаю, что фонтан мы еще разок посмотрим завтра, – ласковым голосом намекнула я, что без боя из дома не выйду. Сама себя прикую льдом к дверному косяку, но не сдвинусь с места, пока не заберу обратно брачную клятву.

– Я настаиваю, – одними губами улыбнулся он.

– Не стоит, – процедила сквозь зубы я, надеясь, что со стороны все это выглядит, будто иду по собственному желанию – легкая, воздушная. А что платье путается в ногах, так просто очень тороплюсь удивиться роскошной обстановке риорского особняка.

Мы не вышли, скорее вылетели из комнаты под ошеломленное молчание. Стоило нам исчезнуть из поля зрения, как аристократы загалдели, точно гуси и индюки на птичьем дворе.

– Сюда.

Без особого пиетета Доар впихнул меня в дорогой кабинет с эркерным окном и плотно закрыл дверь. Некоторое время в абсолютном молчании мы не сводили друг с друга глаз.

– Что ты здесь делаешь? – наконец вымолвил он.

– Ну как же? – издевательски развела я руками. – В письме ты послал меня…

– В задницу, – услужливо напомнил Доар.

– Именно! – быстро улыбнулась. – Так вот я здесь. Кстати, благодарю, дорога действительно была легкой.

Он сощурился, на скулах заиграли желваки. От знакомого выражения на почти незнакомом лице екнуло сердце. После нашего с Доаром неудачного побега матушка оскорбляла его в кабинете ректора, называя грязным риорцем, покусившимся на чистокровную эссу, а он щурил глаза и молчал. Скукожившись на краешке дивана, с ног до головы вымазанная в грязи, я тогда умышленно промолчала, что в ту минуту он был чище этой самой чистокровной эссы.

– Не то чтобы кто-то считает Риор или твой дом задницей, – поспешно оговорилась я. – Фонтан, конечно, спорный…

– Аделис? – обманчиво мягким тоном перебил он меня.

– Что?

– Ты превратилась в изумительно красивую женщину.

– Что? – вдруг снова испугалась я.

– Пошла вон.

Он услужливо раскрыл дверь кабинета и сделал приглашающий жест рукой. Мол, легкой дороги, дорогая Аделис, осторожнее, не поломай ногу на парадной лестнице, иначе придется добираться до башни перемещений ползком.

– Так… – почесала я кончик носа. – Видимо, мирно договориться не выйдет.

Ткань платья протестующе хрустнула, когда я резко вздернула рукав и продемонстрировала брачную метку.

– Смирись, Доар, мы женаты. И эту проблему придется решать.

В следующую секунду дверь кабинета с треском захлопнулась. Я вздрогнула и прикусила язык, в прямом смысле этого слова. На глаза навернулись слезы, а во рту появился металлический привкус. От грохота в настенных светильниках почти погасли живые огни, и кабинет погрузился в интимный полумрак.

– Мы – это кто? – Доар сорвал гнев на безответной двери и теперь изображал любезный тон.

– А что, много вариантов?

– Тебе лучше знать, – издевательски усмехнулся он уголком рта.

С ума сойти, кое-что в этом мире действительно остается неизменным: смена времен года, отвратительные дороги на западной стороне Эсхарда и ироничная ухмылка Доара Гери, заставлявшая меня беситься до красной пелены в глазах. Убила бы! Кстати, отличная возможность избавиться от ненужного замужества.

В напряженном молчании Доар расстегнул пиджак и сдернул его с плеч. Тут я почувствовала глухую тревогу и на всякий случай уточнила:

– Ты что делаешь?

В ответ меня прожег испепеляющий взгляд.

Доар вытащил из манжет запонки, со стуком швырнул их на кофейный столик и закатал рукава. Сначала один, потом второй. На сильных предплечьях с прожилками вен не было ничего похожего на брачные метки.

– Какого демона? – Я стремительно приблизилась к бывшему любовнику и принялась лихорадочно развязывать галстук, чтобы добраться до пуговиц на его белой рубашке.

Он не сопротивлялся, лишь с любопытством следил за внезапным нападением, а потом, щекоча дыханием, вымолвил:

– Полагаешь, если набросишься на меня, то получишь то, для чего пришла?

– А? – подняла я голову и не сразу сообразила, что мы стоим буквально нос к носу.

– Зачем так откровенно предлагать себя?

– Ты в своем уме? – вытаращилась я. – У вас, риорцев, все не как у нормальных людей. Может, у вас метки выступают на спине или на животе.

– Или ниже, – ухмыльнулся он, покосившись на то самое место, которое приличные эссы никак не называют, чтобы не сдохнуть от стыда во время разговора.

Знаете ли, умирать, когда ведешь светскую беседу, ужасно неприлично.

Я замерла, посмотрела Доару в глаза.

– Появились свежие мысли? – откровенно насмехался он.

– Не перебивай меня! – огрызнулась я.

– Ты ничего пока не сказала.

Я принялась завязывать галстук, стараясь не думать ни о божественном запахе мужского одеколона, который дразнил мое обоняние, ни о едва заметной усмешке Доара, в прошлом вызывавшей у меня паралич мозгов. Только ступора сейчас не хватало, когда жизнь, можно сказать, висела на волоске, а я почти записалась в ряды старых дев и отправилась покупать первую из сотни кошек.

– Метка появилась во время брачного обряда, – терпеливо объяснила я, только усилием воли заставляя себя не затягивать вивернов галстук до удушения. – Тебе следует опустить руки в святую воду венчальной чаши. Уверена, рисунок проявится.

– А если нет? – выгнул темную бровь Доар.

– Согласись, несколько нелогично полагать, будто я замужем за тобой, а ты свободен, – сухо вымолвила я и похлопала по кривому вздыбленному узлу галстука, надеясь его придавить (хлопнула от души, Доар даже кашлянул). – Предлагаю спокойно добраться до храма, вернуть брачные клятвы, и я растворюсь в тумане.

– Вернуть брачные клятвы, говоришь? – Он вдруг резко опустил голову, едва не прикасаясь губами к моим губам, а я от неожиданности позорно смутилась и машинально отклонилась. – Аделис…

– Да? – выдохнула.

– Просто растворись в тумане. Без всяких прелюдий.

– Ри… риат Гери? – прозвучал заикающийся женский голосок. В дверях, раскрывшихся абсолютно неслышно, судорожно сжимая тонкими пальцами бронзовую ручку, стояла та самая девица с отличной осанкой. Увлеченные азартным спором, мы с Доаром не заметили, как она появилась.

В нашем с матушкой доме подобной неловкости произойти просто не могло: скрипели и петли на дверях, и старый, местами проваленный паркет. В светильниках при малейшем шуме сами собой зажигались или гасли живые

огни. Сидишь, бывает, читаешь, а за окном собака залает, и все – гостиная погружена во мрак.

– Что здесь происходит? – неожиданно требовательно вопросила девчонка, справившись с замешательством. – Риат Гери, почему вы…

– Чуточку раздет? – фыркнула я себе под нос.

– Все в порядке, риата Сиана, – за вежливо-бесстрастным тоном он пытался скрыть раздражение. – Мы уже закончили.

– Риат Гери, это вы закончили, – немедленно поправила я, проворно скрывая метку под рукавом платья, – но не я.

– Кто эта женщина? – без особой любезности кивнула девчонка.

– А вы? – не осталась я в долгу.

– Кто я? – переспросила она, вдруг страшно оскорбившись.

– Почему вы у меня переспрашиваете?

– Я невеста Доара! – выпалила та и смутилась: – Почти. Батюшка и риат Гери скоро подпишут соглашение.

– Брак по договоренности? Поздравляю! – я бросила на скотину… кхм… Доара ироничный взгляд.

– Возвращайтесь к гостям, риата Сиана. Аделис уже уходит, – не дал он мне открыть страшную тайну, что уже пять лет женат на другой женщине, но отчего-то упорно отвергает необходимость развода. А потом снова сжал мою руку чуть повыше локтя и вывел в коридор. Невеста поспешно подвинулась в дверях. Видимо, боялась оказаться сметенной с дороги.

– Пиджак не хочешь надеть? – полюбопытствовала я.

– Мне и так удобно, – буркнул Доар.

Мы повернули к холлу, но заскучавшие без хозяина гости разбрелись по дому. Выпроваживать бывшую пассию через парадные двери на глазах у публики Доар не захотел. Даже не знаю, отчего его желание выпнуть меня через черный ход показалось столь оскорбительным, будто расположение дверей меняло тот факт, что я не добилась ровным счетом ничего.

Видимо, лучшее решение – позволить этим двоим сгонять к венчальной чаше, а самой спокойно дождаться появления муженька в Эсхарде. Почему только я опозорилась перед толпой аристократов и прослыла изменницей? Пусть тоже вкусит прелести всеобщего порицания. Жаль, что у Доара нет мамаши, чистокровной эссы, которая после сорванной свадьбы зажжет поминальную курительницу с лавром и превратит его жизнь в чистилище, а шикарный особняк – в демонический чертог.

Когда под изумленными взглядами взмыленных слуг мы пересекли кухню, одурительно пахнущую едой, я сделала последнюю попытку достучаться до мужа:

– Доар, когда твоя свадьба по договоренности накроется медным тазом, ты все равно будешь меня искать. Обещаю не поступать, как ты, и накормить на дорожку эсхардскими пирогами.

– Нет.

– Нет – не накроется? – хмыкнула я. – Нет – в Риоре не найти медных тазов? Нет – ты не будешь есть пироги?..

– Я никогда не буду тебя искать, – перебил он и раскрыл дверь, впуская в душную кухню сквозняк: – Легкой дороги, эсса Хилберт.

– Повторяешься…

Он выпихнул меня на хозяйственный двор.

– Отдай хотя бы мои вещи! – возмутилась я, вздрогнув от ледяного холода, но дверь с треском захлопнулась.

Впрочем, мерзнуть не пришлось. Не успела я вызвериться и в сердцах совершить какую-нибудь магическую глупость, вокруг началась суета. Лакей вернул плащ и саквояж, подъехала дорогая карета, точно кучер был наготове в любую минуту доставить незваных гостей к башне перемещений. Подоспели стражники и с подозрительной любезностью помогли усесться в экипаж. Складывалось впечатление, что вышколенная прислуга до мелких бесов боялась, что я взбрыкну и попытаюсь взять дом штурмом. Или заморожу паршивый фонтан.

А у меня и впрямь чесались руки нарастить ледяные рога каменному грифону! Длинные, изогнутые. Один надломленный на острие, другой – торжественно указывающий в звездное небо. Дополнение это как нельзя точно подчеркнет принадлежность хозяина дома к блеющей парнокопытной братии.

– Риат, не надо к порталу, просто отвезите меня в гостевой дом, иначе скончаюсь по дороге, – устало попросила я у охранника и без сил откинулась на сиденье.

Гостевой дом оказался вполне сносным. Комната – чистой, пусть и без изысков. С большой кроватью и даже с ванной на изогнутых ножках, что расположилась за раскладной ширмой. Я попросила ужин в номер, но, завершив туалет, вырубилась, словно потушенный в ночнике живой огонек, и не услышала стука коридорного…

Это был даже не сон, а видение из прошлой жизни, когда ясно осознаешь, что спишь, но реалистичность происходящего снова заставляет погружаться в забытые мучительные чувства. За окнами бил ледяной ливень. Тяжелые, тугие струи дождя колотили по брусчатке, и мостовые моментально покрывались гладкой наледью. Неожиданно раздался стук в дверь, требовательный, категоричный и спешный, словно гость являлся беглецом, которого вот-вот поймают.

Я ни секунды не сомневалась, что увижу на пороге Доара. С гулко стучащим сердцем выскочила из крошечной мастерской, где пыталась вырезать изо льда половинки разбитого сердца, но не успела открыть – его встретила матушка. Из холла неслись ледяные, как дождь на улице, голоса:

– Где она?

– Вы не переступите порог моего дома, – ответила матушка.

– Уже переступил… Лисса! – выкрикнул он. – Лисса, ты где?

Задыхаясь, я ворвалась в тесный холл. Доар промок до нитки, с одежды и сапог налилась целая лужа. Глаза его лихорадочно блестели. Я была полна противоречий. Разве человек может одновременно испытывать ошеломительную радость и столь же ошеломляющий ужас?

– Идем со мной, – не обращая внимания на мою мать, Доар протянул руку. – Идем, Лиса. Ты никогда не пожалеешь, что выбрала меня.

Во рту пересохло. Я сглотнула. Светлые боги знали, каких усилий стоило удержаться на месте! С жадностью я рассматривала любимое лицо, мокрые от дождя завитки волос, обветренные, крепко сжатые губы. Впитывала, высекала в сознании, словно на ледяном полотне, не догадываясь, сколь дырявой окажется девичья память. Как же мне хотелось протянуть руку в ответ, переплести пальцы, снова сбежать, чтобы больше никто не вернул. Но не в этой жизни. Тот человек, что приходил накануне, заявил, что Доар стоит в начале длинного пути к блестящему будущему в Риоре и преграда в лице хорошенькой эссы ему ни к чему.

– Беги, – хриплым шепотом выдохнула я. – Беги отсюда!

– Что? – Он поменялся в лице, становясь белее савана. – Только с тобой.

– Немедленно! – заорала я, срывая голос.

Но дверь уже открылась. Из пелены ледяного дождя в дом вошли страшные люди…

Вздрогнув, я проснулась. За окном брезжило пасмурное утро. В комнате царил острый холод и восхитительно пахло свежим тэем. Я предпочитала сладкий чай, но, когда голова напоминала полую ледяшку, как сейчас, не отказалась бы от крепкого бодрящего напитка.

– Доброе утро, Аделис, – поприветствовали меня в тишине на риорский манер.

От неожиданности я подскочила на кровати не хуже облитой кипятком кошки. В кресле с высокой спинкой, прихлебывая горячий тэй, восседал Доар. Он многозначительно разглядывал крошечные искры ледяного заклятья, потрескивающего на кончиках моих пальцев.

– Ты собиралась ударить магией? – вкрадчиво уточнил он.

– Какого демона ты забыл в моей комнате? – проворчала я, туша колдовство. – Как тебя вообще сюда пустили? Выметайся!

Вдруг вспомнилось, что на мне весьма легкомысленная ночная сорочка из тонкого кружева, купленная специально для первой брачной ночи. Сделав вид, что просто решила размять спину, я натянула одеяло до самого подбородка. Как назло, оно лежало поперек, и из-под края высунулись голые ступни. Пришлось согнуть колени.

– Ты всегда такая милая по утрам или только когда не выспишься? – полюбопытствовал Доар, следя за моими постельными маневрами.

– Сказал человек, который выставил девушку, даже не напоив тэем, – издевательски фыркнула я.

– Поэтому я решил накормить тебя завтраком.

На столе действительно остывала еда, прикрытая серебряной крышкой. Никогда бы не подумала, что в гостевом доме средней руки имелись подобные сервировочные изыски.

– Сейчас умру от благодарности, – хмыкнула я. Пустой желудок напомнил, что скорее мне грозило умереть от голода.

– Так позавтракаешь со мной? – кивнул Доар в сторону стола.

– Дурной компании предпочитаю трапезу в одиночестве, – парировала я, пытаясь отогнать навязчивую мысль о еде. Светлые боги, неужели подали вкусную кашу

или даже куриное яйцо всмятку? Булочку с маком, тающее масло… Я сглотнула слюну.

Доар поднялся с кресла и встал в изножье кровати.

– Я хорошенько обдумал твое вчерашнее заявление, – объявил он. – Что ты сделаешь, если брачная метка не появится?

– Меня больше волнует, что сделаешь ты, когда она появится, – насмешливо парировала.

– Я суну руки в проклятую чашу, чтобы просто доказать, что нас с тобой больше ничего не связывает, Аделис Хилберт. После ты уберешься из Риора и никогда не посмеешь появиться на пороге моего дома или отправить сюда сыщиков. Знаешь ли, перекупать их выходит недешево.

– Можно подумать, кто-то заставлял тебя платить деньги, чтобы мне солгали, – закатила я глаза. – Скажу тебе по секрету, больше всего на свете я мечтаю избавиться от этой метки. Странно оказаться замужем за человеком, лица которого даже не помнишь.

На некоторое время в комнате воцарилось напряженное молчание.

– В таком случае, эсса Хилберт, – с непроницаемым видом вымолвил Доар, – жду вас внизу. Приятного аппетита.

Он вышел.

Утруждать себя торопливыми сборами я не собиралась: с аппетитом позавтракала, с удовольствием искупалась, наполнив до краев ванну, и с помощью особого заклинания, создающего пар, отгладила плащ и платье. Неторопливо накрасила угольной краской ресницы, отчего в глазах появилась таинственная поволока. Вернее, в одном глазу. Во второй я ткнула палочкой, когда красилась, пришлось утирать слезы, смывать черную кляксу и мазюкать заново. Глаз, к страшной досаде, покраснел. Быть настолько нелепой для эссы – смертельный позор! Хорошо, что никто не видел.

Когда я спускалась со второго этажа, Доар о чем-то тихо переговаривался с хозяином гостевого дома. Звучный стук каблуков невольно привлек внимание людей, и в столовой, кажется, стало чуточку тише. Перешептываясь, народ с любопытством рассматривал эссу с платиновыми волосами, намекавшими на кристальную чистоту крови. Мой муженек тоже оглянулся. В лице мгновенно отразилось особенное холодное равнодушие, но на шее нервно дернулся кадык.

Эффект неожиданности достигнут! Мысленно я поблагодарила матушку за то, что научила появляться с фанфарами, даже если эти самые торжественные фанфары звучат только у меня в голове и подозрительно напоминают издевательские бубны.

– Светлых дней, риаты, – громко поздоровалась я, и кто-то подавился едой.

– Едем, – скупо бросил Доар.

К счастью, добираться до храма оказалось недалеко, иначе бы салон экипажа, а заодно и мы покрылись снежной изморозью, ведь обоюдным холодным молчанием, воцарившимся в карете, можно было замораживать огромные глыбы льда для монументальных статуй.

Риорское святилище не имело ничего общего с эсхардскими храмами. Крошечная часовенка с арочными окнами с разноцветными витражами, с остроконечной крышей и длинным шпилем, похожим на те, что возвышались на башнях властительского дворца. В молельном зале царил тяжелый полумрак, стылый воздух пах курениями. В центре громоздился алтарь из цельной каменной глыбы с углублением, заполненным святой водой.

Нас уже ждал молельщик в белой праздничной рясе, величественный и важный.

– Риат Гери, я счастлив… вас… в стенах храма… – начал запинаться он, глядя на то, как Доар невозмутимо принялся стягивать плащ. – Что вы делаете?

Одежда полетела мне в лицо, едва успела подхватить.

– Ты меня с вешалкой не перепутал? – буркнула я.

Он взялся за пиджак.

– Нет-нет, – замахал руками служитель храма. – Риат Гери, раздеваться необязательно.

– Поверьте, рядом с этой женщиной лучше подстраховаться, – процедил тот, расстегивая пуговицы.

– Держать не буду! – заупрямилась я, но вещь, пахнущая знакомым изысканным одеколоном, накрыла мне плечи. Когда Доар принялся закатывать рукава рубашки, то молельщик перестал понимать, что происходит.

– Ну, раз желаете обнажиться, то хотя бы не до исподнего, – обреченно вздохнул он, но едва «жених» попытался прикоснуться к прозрачной воде, то опомнился: – А как же воззвание к предкам? По правилам надо у них попросить разрешения, чтобы омыть кончики пальцев.

– Думаю, что на том свете не обидятся, – отозвался Доар и погрузил руки в чашу до запястий.

Никакого магического удара или вспышки, как случилось на моей свадьбе. Вода не потемнела и не вспенилась от возмущения, что всякие женатые типы пытаются полоскать руки в венчальной чаше.

– Что теперь, эсса Хилберт? – изогнул он бровь.

Ты у меня спрашиваешь?! Светлые боги, каким образом получить развод от человека, который немножко холост? Если не знаете точного ответа, то посоветуйтесь с сослуживцами из демонического чертога. Может, у них найдутся какие-нибудь мыслишки на этот счет.

В оцепенении я следила, как Доар вытащил руки из чаши и стряхнул ледяные капли. Он начал опускать рукава… а на наших глазах на правом предплечье медленно и неохотно начал проявляться брачный орнамент. Пять нераскрытых бутонов, опутанных тонкими лозами. Густую тишину, на некоторое время опустившуюся на молельный зал, можно было резать ножом и раскладывать по тарелкам.

– Почему именно цветочки? – глядя на метку, сухо уточнил Доар.

– Так ведь жена – эсхардская эсса. Цветы эсхардские, лоза риорская, – пожал плечами молельщик, не совсем понимавший сути претензии. Видимо, решил, что если бы проявились похоронные кресты – мол, я убил на эту женщину пять лет своей единственной жизни, – риат остался бы доволен.

– Ясно. – Доар оделся, с подчеркнутой аккуратностью застегнул пуговицы и обратился ко мне: – Ты готова?

– Готова! – решительно согласилась я. Разбираться, почему на пороге свободы от брачных клятв, высказанных по большой глупости, на душе вдруг стало до тошноты паршиво, времени не оставалось.

– Тогда поехали.

– Куда поехали? – с недоумением я оглянулась к служителю: – В Риоре особый храм, где возвращают брачные клятвы?

– А вы хотите развестись?! – не сумел скрыть удивления тот.

– Да! Нет! – в унисон ответили мы.

– Ты в своем уме?! – удивительно, как у меня не пропал дар речи. Более того, говорить хотелось много, цветисто и не очень прилично.

– Прошу прощения, риаты, но я что-то не очень понимаю, – с поразительным терпением вздохнул служитель: – Вы хотите вернуть брачные клятвы?

– Не сегодня, – немедленно отказался Доар.

– Чем тебя сегодня не устраивает? – прошипела я, прожигая муженька испепеляющим взглядом.

– У меня через час важная встреча. Добрых дней, святой брат, – попрощался он и с непроницаемым видом направился к раскрытым дверям храма.

Не веря собственным ушам, глазам и вообще всем чувствам, я следила за уходом Доара. Неожиданно он оглянулся и позвал:

– Ты идешь или остаешься помолиться за счастливую семейную жизнь?

– Замужней отсюда я не выйду! – рявкнула я, напрочь забыв о манерах.

– Как хочешь. – Он растворился в дверном проеме.

– Дорогая риата, позвольте напомнить, что устраивать сцены в храме большой грех, – вдруг высказался молельщик.

– Большой грех нам с этим… мужчиной оставаться женатыми, – процедила я сквозь зубы и бросилась следом за сбежавшим от развода мужем.

Перехватить Доара получилось на подходе к карете. Я вцепилась в его локоть.

– Я требую развода! Сейчас же! Немедленно! Раздевайся заново и пошли разводиться. Можешь даже одетым.

– Нет.

– Что значит «нет»?!

– А что именно непонятно в этом слове? – изогнул он бровь.

– Да все непонятно! – в сердцах топнула я ногой.

– Ты сейчас топнула ногой? – насмешливо уточнил Доар.

Настроение было заморозить муженька заклятьем, чтобы покрылся тонкой корочкой, а потом разморозить, выбить глаз или зуб. Можно все сразу. Жаль, взрослым девицам, тем более эссам, в блаженстве буйного помешательства отказывали.

– Вчера ты не желал меня видеть, а сегодня не хочешь разводиться. Почему, демон тебя дери?!

– За тобой должок, Аделис.

– За мной?! – от изумления я прижала руки к груди. Мол, риат Гери, вы меня ни с кем не перепутали?

– Из-за тебя мы оказались женатыми.

– Прости? – задохнулась от возмущения. – Я не ослышалась? Из-за меня?!

– Именно ты произносила клятвы над венчальной чашей, – напомнил Доар, ловко перекладывая вину на хрупкие женские плечи. Но тут он просчитался. Плечи у меня только выглядели хрупкими, а на деле – ледяные глыбы выдержат.

– Зато ты, если мне не изменяет память, их с большим удовольствием закреплял. И не раз.

– Аделис, не надо лицемерить. Удовольствие было взаимным, – с ухмылкой парировал он. – И коль мы уже женаты, то, милая эсса Хилберт, сердечно благодарю: вы помогли сэкономить кучу денег на свадьбе по договоренности.

– Ты сейчас о чем?

– Как я могу жениться на другой женщине, если моя супруга из Эсхарда не захотела возвращать брачную клятву? – развел он руками.

– Убью, – сжала я кулаки.

– Вряд ли, – хмыкнул в ответ Доар, а пока я, ошеломленная и онемевшая, переваривала новость, предложил: – Ты со мной или своим ходом?

Он кивнул кучеру. Слуга моментально открыл дверцу, демонстрируя дорогой салон экипажа, отделанный мягкой темной кожей. Скрипнув зубами, я уступила здравому смыслу и уселась в карету. Доар забрался следом. Экипаж мягко тронулся, отъезжая от храма. Для человека, только что обзаведшегося

нежеланной женой, мой лучший враг выглядел слишком спокойным. Поглядывал себе в окно, наслаждаясь видами провинциального Риора.

Может, для него брачная метка явилась отличным поводом увильнуть от навязанной, судя по всему, свадьбы, но я-то вернуться в Эсхард замужней просто не могла. Да матушка меня со свету сживет и вместо семейного склепа похоронит под яблоней в саду, чтобы до бренных косточек не пришлось далеко добираться: выглянула в окошко и тут же высказала непутевой дочери, что паршивка испоганила родной матери жизнь и нервическую систему.

И ладно бы только матушка, ее неодобрение я уж как-нибудь переживу, но о нелюбви между Эсхардом и Риором ходят легенды. Жители каменного города считают риорцев людьми второго сорта, недалекими, невоспитанными, вымазанными в едкой каменной пыли рудников. Узнай кто, что чистокровная эсса, управляющая ледяной магией, вышла замуж за человека из занюханного Риора, зарабатывающего добычей и продажей триона, то о спокойной жизни в городе придется забыть. И уж точно никто и никогда больше не закажет ледяную статуэтку у бывшей «эсхардской жены».

– А если ты захочешь жениться по-настоящему? – вдруг вырвалось у меня.

– Сомнительное предположение, – отозвался он.

– Тебе двадцать семь. Вдруг ты влюбишься?

– Любовь? – с издевательской усмешкой протянул Доар.

Мы встретились глазами, и мне не понравилось то, что я в них увидела, – гнев.

– Я уже был один раз влюблен, поэтому воздержусь, – пробирающим до мурашек голосом вымолвил мужчина и кивнул: – Ты приехала.

За окном действительно маячил фасад гостевого дома. Как по мановению волшебного жезла, экипаж остановился. Следом слуга любезно открыл дверь, и я оказалась стоящей на пешеходной мостовой в лучах жидкого осеннего солнца.

– Добрых дней, – пожелал Доар.

Я проводила карету пристальным взглядом.

Добрых дней? Ха! Для тебя, риат Гери, они точно закончились! Не хочешь разводиться по-хорошему? Тогда придется по-плохому.

Растрепанную девчонку с улицы, накануне выставленную через черный ход, никто бы не пустил в дом, но попробуй остановить чистокровную эсхардскую эссу, к которой на хромой козе даже с разбегом не подъедешь! Высокомерным дамочкам было по плечу без приглашения заявиться к завтраку во властительский дворец и попросить чашечку горячего тэя (жаль, никто не решился проверить, слабаки). У меня, к слову, задача оказалась посложнее: взять штурмом особняк собственного мужа и мгновенно там поселиться.

Стража, как ни странно, наемный экипаж пропустила без вопросов. Не очень понимаю, для чего магу, способному защитить территорию заклятьями, потребовалась охрана, но кто ж разберется в капризах риорских богачей. Может, им по статусу полагается?

План был рассчитан исключительно на внезапность. Я вошла в раскрытые лакеем парадные двери с видом коронованной властительницы. В замешательстве он следил за тем, как белокурая эсса без лишних слов, приветствий или высказываний развязывает ленты верхней одежды. Окончательно растерявшись, поймал небрежно сброшенный плащ и уточнил:

– Риата, а вы…

– Расплатитесь с извозчиком, – нанизала я слугу на острый, как иголка, взгляд. – И попросите кого-нибудь забрать из гостевого дома мой багаж.

– Немедленно сделаем, – смутился он.

– Где Доар? – уточнила я, поправляя выбившийся из прически локон. Пятнадцать минут перед зеркалом корпела, расчесывала волосок к волоску и закрепляла заговоренными булавками. Если бы Руфь увидела, то охнула. Я вечно ношусь со спутанной гривой. Обрезать бы, но даже у меня не хватит смелости расхаживать по Эсхарду с короткой стрижкой.

– В приемной с риатами, – выдал как на духу слуга.

– Угощения уже подавали? – деловитым тоном уточнила я.

– Какие угощения?

– Перекус.

– Так ведь приказа не было, – забеспокоился лакей.

– Теперь есть, – кивнула я. – Готовьте. К слову, а где приемная?

– Недалеко от гостиной, – подсказал слуга.

Еще бы вспомнить, где в этом чудовищно огромном доме гостиная.

– Благодарю. Когда будете готовы подать гостям тэй, позовите меня.

С уверенностью я направилась в комнаты. Главное, при слуге не открыть дверь в какой-нибудь гардероб для верхней одежды или охотничью комнату, заставленную чучелами убитых животных. Как вспоминаю голову кабана со стеклянными глазами, висящую над камином в доме Гидеона, так вздрагиваю.

– Риата… – остановил меня оклик лакея, видимо, вернувшего способность здраво мыслить.

– Да? – оглянулась я.

– А вы, собственно, кто?

– Я?

– Как вас представить риату Гери?

– Вы считаете, что стоит представлять риату Гери его супругу? Думаете, мы с ним незнакомы? – выразительно выгнула я бровь. – Что ж, отнесите гостям

угощение и скажите Доару, что жена уже дома и жаждет знакомства с прислугой.

У бедняги одновременно отвалилась челюсть, выпучились глаза, а из рук выпал мой плащ.

– Мне искренне жаль!

– За то, что вы топчетесь по моему плащу? Или за извозчика, который все еще ждет оплаты?

– Простите! Я мигом, вот прямо сейчас…

С трудом подавив ухмылку, я следила, как в панике он поскакал к закрытой двери, видимо, ведущей в помещения для прислуги, но вдруг резко затормозил и неуклюже проехал по блестящему мрамору.

– Кхм… – повернулся он ко мне и окинул очень подозрительным взглядом: – Я абсолютно уверен, что с утра господин Гери женат не был.

– Вы же не просите меня обнажить руку и продемонстрировать брачную метку? – ледяным, как айсберг в Белом море, тоном спросила я.

– Не-ет? – медленно переспросил он.

– Нет.

Светлые боги! Я была столь хороша в роли чистокровной эссы, не желавшей возиться с простыми смертными, что матушка прослезилась бы от гордости. Сколько лет вколачивала властительские замашки в непрошибаемую дочь!

После приема в доме не осталось гостей. Помнится, когда Анкели устраивали званые вечера, то народ еще седмицу, пока не пустел винный погреб, шарахался по коридорам и занимал спальни. Гостиную, как ни странно, я нашла без проблем. Обстановка в ней отличалась подчеркнутой строгостью и аккуратностью. Ни портретов, ни карточек с изображениями в рамочках – абсолютно обезличенная комната, пусть и обставленная с шиком.

Не успела я толком оглядеться, как угощение для гостей было готово. На специальных сервировочных тележках стояли серебряные чайники с тэем, травяным крепким напитком и многоуровневые подставки с крошечными воздушными пирожными.

Возглавлять процессию к приемной мне пришлось самой. Горничные старались откровенно не таращиться на неожиданно возникшую жену хозяина, но полные любопытства взгляды украдкой кидали. Я подчеркнуто не замечала этого бесхитростного интереса. По дороге случился конфуз, ведь в лабиринте комнат новая хозяйка была впервые. Я повернула направо, а девушки – налево. Пришлось разворачиваться и с самым независимым видом следовать за прислугой.

У двустворчатых дверей в приемную всех, в том числе и меня, разом покинула смелость. Вломиться в кабинет, где разговаривали мужчины, решилась бы только самоубийца. На роль таковой выбрали меня, тем более что из замочной скважины шел голубоватый дымок заклинания. Вероятно, помещение опечатали от желающих подслушать, подсмотреть или потревожить. Никто же не догадывался, что в мирном доме, пока хозяин преспокойно творил великие дела, поселилась беда… в смысле эсхардская жена.

С непроницаемым видом я постучалась. От каждого прикосновения костяшек к двери сыпались голубоватые мерцающие снежинки. Стены особняка сотрясал замечательный грохот, словно исходящий из глубокого колодца. В воображении возникла забавная картина, как напыщенные риаты, сидящие за столом переговоров, замолкают и синхронно оборачиваются. У одного падает пенсне…

Громкий щелчок отпертого замка прозвучал почти мгновенно. Дверь приоткрылась, продемонстрировав кусочек залитой солнцем залы. Из щели на меня разноцветными глазами в изумлении вытаращился Айдер Эббот.

– Эсса?!

– Светлых дней, – коротко поздоровалась я и почти смела парня с дороги. – Подержите дверь, нам надо завезти тележки.

За длинным столом переговоров сидело четверо, а Доар возглавлял собрание. Нахальное вторжение ознаменовалось мертвым молчанием. Сказать, что при появлении чистокровной эссы на лицах мужиков отразилось замешательство, было бы преступным преуменьшением. У одного из риатов действительно звякнуло о стол пенсне. Когда он попытался незаметно приставить окуляр к глазу, то оказалось, что стеклышко выпало из круглой оправы.

– Здравствуй, Доар. Не ждал? – с едва заметной улыбкой уточнила я.

«Ты даже не представляешь – насколько!» – читалось в позе, лице и в том, как он до побелевших костяшек сжал перьевую ручку.

– Уважаемые риаты, почему бы вам не сделать паузу? – тоном гостеприимной хозяйки, умеющей встречать любых гостей, даже властительских кровей, вымолвила я.

Подозреваю, что никто из присутствующих делать перерывов не собирался, но попробуй воспротивиться насильственному кормлению, когда горничные уже вкатили звенящие посудой тележки. На столе, как по взмаху волшебного жезла, выросли этажерки с пирожными, а напряженный разговор превратился в умиротворенное тэепитие. Надеюсь, когда оно закончится, риаты в запале не примутся швыряться сладостями. Выйдет очень неловко, если какое-нибудь пирожное прилипнет к настенной ткани.

Доар следил за представлением с холодной яростью. Я бесстрашно встретилась с ним глазами и улыбнулась:

– Тэй?

Полная чашечка, звякнув на блюдце, бухнулась аккурат на какие-то бумаги. При виде темной кляксы, растекшейся на документе, муж выразительно кашлянул. Не сомневаюсь, что он мечтал затолкать этот самый тэй вместе с чашкой мне в глотку.

– Доар, представишь свою… кхм… гостью? – самым первым пришел в себя Эббот.

– Эсса… – Он поднял голову и посмотрел мне в лицо. – Аделис…

– Его супруга, – быстро перебила я.

– И когда ты успел обзавестись женой? – в ошеломленной тишине, некоторое время висевшей в зале, резко заговорил один из риорцев.

– Пять лет назад, Якоб, – с потрясающей невозмутимостью ответил Доар.

– Но ты же планировал жениться на дочери Улрича!

– Обещать – не значит жениться, не правда ли? – сыронизировал тот. – Моя объявленная погибшей дражайшая супруга вдруг воскресла.

Воскресла?! Что за странная некромантская версия появления второй половины? Этажеркой с пирожными, что ли, в тебя запустить? С другой стороны, проще будет объяснить мое исчезновение после скорого развода: сначала появилась, потом исчезла. Такая внезапная эсхардская жена с ветром в голове. А что? Эссы тоже бывают разные.

– И сегодня мы решили жить вместе, – исключительно удачно ввинтила я.

Все, дело сделано! Ошеломительная новость прозвучала перед свидетелями, теперь пусть попробует выставить бедняжку жену из дома. Нас разлучит только развод!

Время делать ноги и прятаться за портьерами в единственной известной мне комнате – гостиной. Пока муженек меня отыщет, возмущение поутихнет и придет смирение, а он поймет, что избавиться от фальшивой супружницы можно исключительно через храм.

На старт, внимание, марш!

За спиной резко отодвинулся стул. Доар дышал буквально в затылок, но я была на пару шагов впереди. Если бы в дверях не застряла горничная с опустевшей тележкой, мне удалось бы и сбежать, и затаиться.

– Извините нас, уважаемые риаты, – любезным тоном вымолвил муж, подхватывая меня под локоток, – позвольте нам с супругой перекинуться парой

слов. По-семейному.

Едва проход освободился, как мы вывалились в коридор.

– Что ты делаешь, Аделис? – прошипел он.

– Просто дай мне развод и живи спокойно.

Неожиданно настроение Доара изменилось. Он тихонечко сжал мои плечи и склонился, отчего наши лица оказались на одном уровне. Я не ожидала такого поворота. Ярость, возмущение, претензии были понятны, но не обезоруживающая улыбка, волшебным образом преобразившая мрачную физиономию. Умел он заставить даму понервничать.

– Что… ты что делаешь? – самой стало противно от неуверенности, прозвучавшей в голосе.

– Хочешь жить вместе? – тихо вымолвил Доар.

– На самом деле я хочу вернуть брачную клятву!

– Этот дом слишком большой для одного человека, – точно не услышал он. – Можешь выбрать любую спальню на свой вкус, их почти двадцать.

– Даже твою?

– Желаешь разделить со мной ложе?

– Рехнулся? Я желаю разделить с тобой развод!

Со странным блеском в глазах он отпустил мои плечи и легким, ласкающим касанием, отозвавшимся мурашками, заправил за ухо невидимую прядку. Я позорно сдалась и попятилась.

– Добро пожаловать, Аделис, – прошептал он. – Думаю, нас ждет много незабываемых минут.

«О да! Пока ты даже не представляешь, милый, насколько незабываемых!»

Настороженная неожиданным поворотом, я следила за тем, как Доар возвращался в светлую приемную. По факту я добилась цели и не вылетела из особняка, как новорожденная горгулья, по глупости нагадившая в домашние туфли хозяина. Но почему внутри поселилось подленькое чувство, будто меня ловко обыграли?

Глава 3

Жена из демонического чертога

Два платья, одно из которых молило о чистке, жалкими бедными родственниками висели в абсолютно пустой гардеробной, примыкавшей к спальне. Если бы я догадывалась, что миссия «развод» обернется настоящей осадой, то прихватила бы вещей побольше. Светлые боги! Да я бы не стала разбирать дорожный сундук, возвращенный от Анкелей, и отправилась бы в Риор во всеоружии! В голову вдруг пришла ироничная мысль, что несостоявшаяся свекровь выделила мне комнату куда как скромнее: с чуланом вместо шкафа и с удобствами, что называется, «на этаже», как в общежитии академии.

И когда я вышла в свою новую шикарную спальню, то обнаружила Айдера Эббота. Мужчина с любопытством дотошной старушки изучал баночки с притирками, аккуратно расставленные горничной на туалетном столике. Он вытащил пробку из флакона с цветочным благовонием и поднес к носу. Сложив руки на груди, я в молчании следила за неожиданным визитером, в наглости переплюнувшим даже меня саму.

– Так и не спросишь, что я делаю в твоей спальне? – спросил он, аккуратно закрывая флакон и возвращая его на место.

Он действительно думал вызвать меня на разговор? Для наглядности к ледяному молчанию, пожалуй, стоило добавить магический фокус и заставить зеркало покрыться морозным узором, но было лень плести заклятье.

Не дождавшись ответа, Айдер повернулся в мою сторону и вызывающе сунул руки в карманы.

– Выходит, пять лет назад вы не просто сбежали, а обвенчались… – вымолвил он.

Кто этот человек и почему он столько знает о нашем с Доаром прошлом?

– После того как мой папаша наконец свалил к праотцам, я единственный родственник твоего мужа и свидетель вашего милого студенческого романа, – словно прочел он мои мысли. – Можешь называть меня кузеном Айдером.

Доар рассказывал, что его родители погибли, когда он был совсем ребенком, и что его растил троюродный дядька, мало отличавшийся методами воспитания от моей матери. И в Эсхардскую академию он заслал даровитого племянника, чтобы тот не мешался под ногами. После неудачного побега именно его дядька пришел в наш дом и наговорил глупостей, в которые я, раздавленная и испуганная девчонка, поверила.

Мучило ли меня сожаление, что я не ушла в тот день с Доаром, а позволила его скрутить и, закованного в магические кандалы, отправить в Риор? Без сомнений. Особенно сильно в первое время, когда образ парня, побледневшего от боли, но прожигавшего меня ненавидящим взглядом, не желал стираться из памяти.

– Мне любопытно, почему вы так долго скрывали брачные метки? – промурлыкал кузен, выказывая ценное умение задавать правильные вопросы. – Не знали об их существовании?

В этот момент раздался деликатный стук. Дверь открылась, и появился Доар. В спальне действительно повеяло ледяным холодом. Даже мне, ничего не знающей о семейных распрях Гери, становилось ясно, что братья, мягко говоря, друг друга недолюбливали. В войне за развод я бы назначила Айдера Эббота союзником, но скользкие типы вызывают во мне приступы гадливости. Возникает желание немедленно помыть руки, но, боюсь, что столько бутылей мыльного раствора в доме просто не держат.

– О, братец! – глумливо ухмыльнулся Айдер. – А мы тут с твоей супругой знакомимся и разговариваем.

Острый как бритва взгляд Доара переместился на меня.

– Честное слово, я не понимаю, что происходит! – открестилась от любого участия в «беседе». – Этот странный человек вдруг вломился ко мне в спальню и принялся сам с собой разговаривать. Конечно, не то чтобы я против, но в Эсхарде привычку заходить к чужим женам лечат всеобщим порицанием.

Кузен Эббот немедленно осознал, что сел в лужу, и попытался неловко отговориться от умышленного вторжения:

– Братец, я просто заблудился.

– Может, выдать тебе план дома? – поднял бровь Доар. – Чтобы ты не блуждал и не путал второй этаж с первым.

– Скажи, а она знает, чем вся эта история пятилетней давности закончилась? – широко улыбнулся кузен, словно не заметив откровенной агрессии родственника. – Ну, кроме того, что у вас появились брачные метки?

Я не подавала виду, но тут же насторожилась. О чем это он толкует?

– Тебе уже пора, – с непроницаемым видом перебил Доар и кивнул мне: – Аделис, я провожу нашего…

– Родственника, – подсказал кузен.

– Гостя, – сухо поправил он, – а ты спускайся к обеду.

– А меня не пригласишь? – ухмыльнулся Эббот.

– Ты говорил, что мой повар готовит помои, – отказал в гостеприимстве хозяин дома.

– В прошлый раз я ляпнул не подумав.

– Как обычно, – заметил Доар.

Они вышли, и мне захотелось немедленно поменять спальню, осквернённую присутствием скользкого родственничка, но будоражить слуг очередным переездом, когда платья уже висели в гардеробной, а баночки с нехитрыми притирками стояли на туалетном столике, было форменным свинством. Пришлось открыть окно и впустить в комнату холод, пахнущий опавшей листвой и осенними кострами. Цветочное благовоние я вылила в ватерклозет.

В столовой хозяина дожидался уже знакомый мужчина в годах, кажется Якоб. При моем появлении он неловко поднялся, вызвав перезвон фарфоровых тарелок:

– Светлых дней, риата Гери.

Пряча настороженность за высокомерием, которого обычно ожидают от аристократки, я едва заметно кивнула.

Лакей услужливо отодвинул мне стул на противоположном конце длинного стола, безмолвно предложив отделиться от мужа расстоянием в полкомнаты и не портить друг другу аппетит. По этикету благопристойной супруге, одаривающей благоверного плотскими утехами только в двух случаях: в брачную ночь и на пьяную голову (второе обстоятельство было невозможно в принципе), мне действительно следовало сидеть в гордом одиночестве на женской половине и скучающе ковыряться в тарелке. Но разве можно подпортить противнику трапезу, если с трудом видишь его лицо? Наплевав на усилия прислуги, с независимым видом я сама себе отодвинула стул и уселась напротив Якоба.

– Что-то Доар задерживается, – нервно пробормотал тот, видимо, чувствуя себя тем самым злосчастным наездником на приснопамятной хромой козе, нестройной рысью трясущимся навстречу чистокровной эссе.

– Он выпроваживает кузена, – обронила я.

– Простите?

– Я сказала «выпроваживает»? – вежливо улыбнулась. – Оговорилась. Провожает.

На том беседа закончилась, и комната погрузилась в неловкое молчание, от которого нас спасло появление Доара. Энергичной походкой он вошел в столовую и, устроившись за столом, вымолвил:

– Аделис, позволь тебе представить риата Якоба Нобри. Мой помощник и доверенное лицо. Смело обращайся к нему с любым вопросом.

У меня было подозрение, что за обедом «помощник и доверенное лицо» желал обсудить с хозяином важные дела, но присутствие незнакомой девицы из враждующего клана эсхардских эссов спутало деловые планы. Он прихлебывал жиденький супчик с плавающими кусочками какого-то кисловатого овоща и удрученно молчал. Я же ела с совершенно непристойным аппетитом.

Знаете, меня с детства отличала плебейская неприхотливость в еде, что вызывало у матушки беспросветное отчаяние. Она искренне верила, что женщине нашего круга следовало питаться исключительно деликатесами или оставаться голодной, если таковыми ее не кормили. Сама она даже дома не ела, а только дегустировала стряпню Руфи, ввергая добрую домоправительницу в уныние. За годы работы в нашей семье служанка освоила полное меню самой дорогой ресторации на южной стороне Эсхарда и могла дать фору властительскому повару.

– Вы можете идти, – вдруг отослал лакея Доар. – Думаю, Аделис не откажется за нами поухаживать.

Аделис была против любых телодвижений за столом, если они не приводили к точному попаданию полной ложкой в рот, но при чужом риате, хмуро косящемся с противоположной стороны стола, спорить не стала. Если Доар лично пожелал испортить себе трапезу, кто я такая, чтобы его отговаривать? Я-то не собиралась ничего предпринимать как минимум до десерта, но раз уж такое дело…

– Конечно, милый, – сладко улыбнулась.

Якоб быстро вытер губы салфеткой. Когда несколько ошарашенный слуга оставил нас втроем, наверняка снаружи припав ухом к двери, то помощник не удержался:

– Уж позвольте задать вопрос.

Было заметно, что вопрос этот распирал несчастного риата, как запертый воздух – льдистый шар-заготовку.

– Как вышло, Аделис, что вас признали погибшей? Вы прятались, а теперь решили вернуться?

– Не пряталась, – честно ответила я, – более того, даже место жительства не меняла. Вы знаете, что чистокровные эссы редко переселяются за пределы Эсхарда? Нас осталось так мало, что мы местная достопримечательность.

На лице Якоба появилось светлое, ни с чем не сравнимое замешательство. Доар сдержанно кашлянул, мол, милая супруга, пожалуйста, заткнись. Спасибо.

На здоровье, дорогой супруг. Намек поняла, но не приняла.

– Я просто попыталась выйти замуж, – добавила светским тоном. – Все бы ничего, но на свадьбе присутствовало столько народу! Неловко вышло.

Правда отказалась вмещаться в Якоба и встала в горле комом. Бедняга сильно поперхнулся, схватился за пустой стакан и даже сделал всухую пару глотков.

– Запьете? – заботливо предложила я.

– Будьте любезны, – прокряхтел он.

Я была ужасно любезна, сама от себя не ожидала такой всепоглощающей услужливости. Торопясь спасти риата от удушения, громко щелкнула пальцами. Толика воды из хрустального графина исчезла и мгновенно забулькала в стакане Якоба.

– Она действительно водный маг… – прохрипел он и начал жадно пить, пытаясь протолкнуть в себя абсолютно все новости.

– Доар, а тебе? – любезно предложила я плеснуть водички на тот случай, если какие-нибудь из моих заявлений застрянут в горле.

– Воздержусь.

– Не стоит, – проигнорировала я отказ и снова щелкнула пальцами. Вода не просто возникла в стакане, а закрутилась в воронку, расплескалась через край, обрызгав соседние бокалы и немножко разбавив жиденький супец.

Вообще в голове созрел план заморозить еду, и я почти приступила к его исполнению, но Доар вдруг задал очень странный вопрос:

– Аделис, ты хочешь что-то поменять в доме?

Несчастный Якоб еще дыхание не вернул, как вновь схватился за стакан.

– Возможно, – осторожно согласилась я. Вряд ли мужу стоило знать, какие именно изменения в интерьере пришли мне на ум.

– Скоро наступят холода, и тебе нужен новый гардероб, – продолжил он поражать удивительной предупредительностью.

– Предлагаешь купить мне одежду?

До холодов я задерживаться не собиралась, да и старый гардероб меня вполне устраивал. Но – вот незадача – теплые вещи остались в Эсхарде. При мысли о лавках тканей, деловитых белошвейках, ворчливых сапожниках, примерках и прочем бессмысленном времяпрепровождении, вызывавшем экстаз у женщин, я содрогнулась. Еще одного кошмара, как перед свадьбой с Гидеоном, я просто не в состоянии пережить. Лучше замерзнуть до смерти, лежа возле камина, чем снова переступить порог этого демонического чертога! Может, Доар того и добивался? Беспрерывными покупками довести норовистую жену до летаргического сна, чтобы той не хватало сил на демарши?

– Можешь не ограничивать себя в средствах, – добавил он. – Ни в чем себе не отказывай.

– Не буду, – от души пообещала я.

Интересно, после какой по счету потраченной тысячи риорских шейров щедрый муж таковым быть перестанет, взвоет, как от укуса дикой виверны, и потребует развода? Подозреваю, что Якоб задавался похожим вопросом и уже в ужасе представлял, как к парадным дверям особняка стягиваются подводы с мешками, набитыми золотыми монетами.

Портить трапезу после такого разговора не позволила совесть, но устроить маленькую каверзу сами светлые боги благословили. Только я почувствовала сытость, как встала из-за стола, наплевав на приличия. Мужчины машинально поднялись следом, и в принужденной тишине раздался звон посуды.

– Приятного аппетита, риаты, – едва заметно улыбнулась я. – Позвольте вас покинуть, что-то голова разболелась.

Восславься та женщина, которая первой придумала спихивать закидоны на головную боль! Подозреваю, что дамочке с мигренью простят любые причуды, лишь бы не корчила физиономию, изображая смертельные муки.

– Легкого пути, – пожелал Якоб на эсхардский манер.

– Вашими молитвами до спальни я доберусь живой и здоровой, – не удержалась от иронии, заставив помощника неуютно поежиться.

Когда я вышла из столовой, вдохновенно шпионивший лакей предупредительно отделился от двери и теперь пытался слиться с настенной тканью. Но стена была серебристая, а ливрея – красная, очевидный контраст не позволял ему оставаться незаметным.

– Лучше слейтесь с кухней и подайте риатам вторые блюда, – распорядилась я.

Проникнуть в личные покои Доара оказалось сложнее, чем утром вломиться в особняк, хотя они не охранялись боевыми магами и не запирались на ключ. Случилось неслыханное: меня неожиданно покинуло нахальство. Перед дверью я медленно вздохнула, точно намеревалась не гадость сотворить, а броситься с высоты в пропасть, что в отношении муженька, наверное, было равнозначным. Воровато проверив пустой тихий коридор, я юркнула в комнаты. Осмотрелась. Гостиная была по-мужски строгой, высокая арка вела в спальню с большой кроватью, застеленной серебристым покрывалом. В воздухе витал слабый

аромат знакомого одеколона.

Не разглядывая прелести интерьера, я решительно вломилась в ванную комнату, размером, пожалуй, не уступающую моей спальне в матушкином доме. Ванна превзошла все мои даже самые смелые ожидания! Она представляла собой глубокую просторную купель со ступеньками.

– Любишь бултыхаться перед сном, милый? – промурлыкала я, присаживаясь на мраморный бортик и опуская руку в теплую воду. От кончиков пальцев заструились голубоватые потоки ледяного заклятья. Огненные камни, вмурованные в стенки купели, зашипели от прикосновения холода и вспыхнули алым светом. Бороться с магией было бесполезно. Природные обогреватели погасли, температура воды начала стремительно падать. Почувствовав в пальцах ломоту, я вытащила руку и стряхнула капли.

За несколько минут вода смерзлась в ледяную глыбу такой кристальной чистоты, что при желании можно было разглядеть искаженное дно купели. Над поверхностью вился полупрозрачный дымок. При всей магической силе, а боги не пожадничали, когда отмеряли Доару колдовской дар, ему придется провозиться пару часов, чтобы зажечь огненные камни.

Скоренько покинув хозяйские покои, я спряталась в своей спальне. Через час и пятнадцать минут (не то чтобы кто-то следил за часами, просто они находились в поле зрения) дверь без стука отворилась. Доар, как и планировалось, застал меня мирно рисующей в альбоме. Спрятав руки в карманы брюк, он замер на пороге.

Пауза тянулась и тянулась, а я по-прежнему изображала приступ вдохновения. Тишина нервировала. Очевидно, это был своеобразный воспитательный прием: довести хулиганку многозначительным молчанием до разговора. Я внесла еще пару штрихов в рисунок и все-таки подняла взгляд.

– Что?

– Для чего ты заморозила воду в моей ванне?

– Для ледяных статуэток, – беззаботно, как будто замораживать ванные комнаты – обычное дело, ответила я и продемонстрировала набросок. На альбомной

странице растянулась непропорциональная страшилка с огромным носом, похожая на помесь горгульи и человека. Вообще я изобразила хозяина дома, но пришлось сильно постараться, чтобы он ни в жизнь не узнал собственный портрет.

– Да ты талант! – усмехнулся Доар.

Конечно, талант! Упарилась, пока намалевала нечто невразумительное! Стыдно перед бумагой и грифелями, что их пожертвовали на столь безобразную мазню.

– Тебе нравится? – похлопала я ресницами.

– Нет.

А зря! Ты еще не знаешь, что это уродство скоро украсит холл твоего дома.

– Коль ты взялась изображать страсть какую милую дурочку, то не постесняюсь спросить: почему именно в моей ванне ты решила наморозить льда для своих статуэток?

– Она самая большая в особняке, – пожала я плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/efiminyuk_marina/poka-smert-ne-razluchit-nas

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити